

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт Востоковедения Российской Академии Наук
Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании
Научная лаборатория «Российская диаспора в странах Востока»

Двенадцатая межинститутская научная конференция
ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Тезисы докладов

Отв. ред.-сост. Панарина Д.С.

Москва
2021

Содержание

Антошин А.В. Книга Олгарда Дабберта, Рэя Хатчинсона и Маргарет Лэнг «Вскачь по столетию» как источник по истории русской эмиграции в Эфиопии 1920/30-х гг.	2
Karolina Jedrzejewska The impact of Russian immigration on the state of Israel	3
Кадырбаев А.Ш. Русские люди в блистательной Порте	5
Загородникова Т.Н. А.А. Половцов (1867–1944) в Индии	7
Pogadaev V.A. Russian travelers in the Indian Ocean: images of the past (XV–XIX centuries)	8
Баканова М.В. Российская диаспора в Пакистане как заложник противоречивых отношений между странами	9
Шафранская Э.Ф. Русские художники в Средней Азии (1920–1940 годы)	11
Смирнова Ю.Г. Тенденции предпандемийного года в языковой ситуации в Казахстане	11
Михалев А.В. Цзаин Шаби – русская фактория в Монголии позднеимперского периода	12
Урядова А.В. Голод 1921 г. в России: помощь дальневосточной эмиграции	14
Халилов О.У. Русская диаспора в Китае	16
Наземцева Е.Н. Российская диаспора в Синьцзяне в конце XIX – начале XX века	17
Смирнов С.В. Организации русской эмигрантской молодежи в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.)	19
Нестерова Е.И. Сотрудники российского генерального консульства в Тяньцзине в эмиграции: люди и судьбы	21
Дудин П.Н., Хусаинов З.Ф. Русские юристы – эмигранты и первая кодификация гражданского законодательства Китая в первой половине XX в. (к годовичному решению III сессии Всекитайского собрания народных представителей КНР XIII созыва и утверждению Гражданского кодекса 28 мая 2020 г.)	23
Дорофеева Н.А. Японские военнопленные в Магадане в 1945–1949 гг.: из прошлого в настоящее	25
Кириченко М.А. Открытие Интернет-музея «Россия-Япония» – важная веха на пути исследования русскоязычной общины в Японии	26
Рубан Л.С., Ананьин М.А. Роль Русской Православной Церкви в ЮВА и влияние на русскую диаспору в регионе	27
Соколов А.А. На другой стороне: русские в Южном Вьетнаме, 1960-е – начало 1970-х гг.	27
Панарина Д.С. Русские на Филиппинах: история присутствия и современность	29
Скоробогатых Н.С. Динамика отношения российской диаспоры в Австралии к исторической родине	30
Зибров М.И., Массов А.Я. «Письмо Ивана Белавенца» как источник по истории русской диаспоры в Австралии	32
Каневская Г.И. К 70-тилетию австралийской русскоязычной газеты «Единение»	33
Рудникова Е.В. Советские «ди-пи» в Новой Зеландии (1949–1951 гг.)	34
Аристова Л.Б. Российское казачество в Латинской Америке (исход, современность)	35

Книга Олгарда Дабберта, Рэя Хатчинсона и Маргарет Лэнг «Вскачь по столетию» как источник по истории русской эмиграции в Эфиопии 1920-х – 1930-х гг.

Антошин А.В.¹

История русской эмиграции в Северо-Восточной Африке давно привлекает внимание исследователей. В последние 20–30 лет вышел ряд трудов, в которых, так или иначе, затрагиваются сюжеты, связанные с историей русской эмиграции в Эфиопии². Данное обстоятельство неслучайно: именно эта страна в конце XIX – начале XX вв. стала важным центром русской диаспоры на Африканском континенте. В период активизации сотрудничества между Эфиопией и Российской империей здесь оказалось немало русских офицеров и специалистов. Некоторые из них осели в этой стране, завели семьи, внесли свой вклад в модернизацию Эфиопии, развитие ее экономики и вооруженных сил. Появление новой волны русской эмиграции в Эфиопии пришлось на 1920-е гг. и было связано с событиями революции и Гражданской войны в России, разгромом Белого движения.

Однако, к сожалению, сохранилось чрезвычайно мало источников, которые могли бы пролить свет на восприятие россиянами африканской реальности межвоенного периода. Кем ощущали себя русские, заброшенные в Африку? Одно из немногих исследований, основанных на эго-документах такого рода, принадлежит перу Б.М. Горелика, проживающего в ЮАР³. Однако в 2006 г. в США вышла в свет книга, которая раскрывает нам восприятие Северо-Восточной Африки русской женщиной. Американцы О. Дабберт, Р. Хатчинсон и М. Лэнг посвятили свой труд судьбе матери О. Дабберта – Александре Дроздовской-Дабберт (1898–2000)⁴. Дочь офицера Русской армии Л. Дроздовского (в годы Гражданской войны ставшего военным атташе Украины в Швейцарии), она была сестрой милосердия Первой мировой войны, пережила хаос эпохи Великих потрясений в России и оказалась в эмиграции. Прожив несколько лет в Германии, А. Дроздовская-Дабберт оказалась в Северо-Восточной Африке, в Эфиопии. Она работала врачом-стоматологом в Африке, лечила как простых рабочих на плантациях в Джибути, так и членов императорской семьи Эфиопии. Итальянская агрессия против Эфиопии привела к тому, что А. Дроздовская-Дабберт в итоге оказалась в Италии, затем в Перу, пока, наконец, не очутилась в США, в Калифорнии. Именно там, на 102-м году жизни, она и закончила свою «скачку по столетию», пользуясь выражением ее биографов.

Особое место в жизни А. Дроздовской-Дабберт занимает двадцатилетний период ее жизни в Северо-Восточной Африке. Именно этим годам уделено больше всего страниц в книге О. Дабберта, Р. Хатчинсона и М. Лэнг. Эфиопия и Джибути, Аддис-Абеба и Дыре-Дауа, члены эфиопской императорской фамилии и рабы на плантациях – все эти сюжеты представлены на страницах данной книги. Несмотря на то, что это – биография, написанная от третьего лица, это сочинение является весьма интересным и ценным источником, позволяющим судить о восприятии Северо-Восточной Африки 1920-х – 1930-х гг. глазами русской женщины.

¹ Антошин Алексей Валерьевич, д.и.н., профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: alex_antoshin@mail.ru.

² См.: *Летнев А.Б.* Колониальный вариант адаптации: российская диаспора в странах Африки. Попытки организации (1920-1940-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX – начало XX в.). М., 1998; *Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг.* М., 2001; *Он же.* На южной окраине великого рассеяния: россияне в африканских тропиках // *Куда идешь, Африка?* М., 2004. С. 38–49; *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: МАКС Пресс, 2005; *Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки / редколл. А.С. Балезин, А.Б. Давидсон (отв.ред.), С.В. Мазов.* М.: РОССПЭН, 2019 и др.

³ См.: *Горелик Б.М.* Между негусом и дуче. Воспоминания полковника Коновалова об итало-эфиопской войне // *Африканцы и россияне на перекрестках истории.* М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 156–170.

⁴ См.: *Dabbert O., Hatchinson R.* Riding the Century. A Memoir. San Diego, California, 2006.

The impact of Russian immigration on the state of Israel

*Karolina Jedrzejewska*⁵

In this research the state of Israel is examined by the author as an institution that successfully exploited its diaspora potential for national development by mobilizing its resources in form of return migration. The potential of diaspora in case of Israel is realized through two main channels: diaspora return migration (*Aliyah*) and diaspora philanthropy/support. The former is contributing for the state due to its nation-building potential mainly in demographical terms. Israel's diaspora policy is a framework for diaspora mobilization. In Israel it is a strong institutional apparatus formed from following institutions: governmental agencies, civil society, business sector. There is a whole set of complementary policies promoting return and integration in Israel: housing, employment, language learning assistance, education, and information services. In case of Israel, the relations between the diaspora and homeland are being actively managed by joint governance, donations, organized visits, diaspora members missions for Israeli causes, professional exchanges, educational community tours for example in form of Birthright program in order to facilitate mutual recognition and bond. Diaspora philanthropy/support is exploited in form of a financial contributions and organizing international support for Israel interests in form of a lobby group. Therefore, from the political science perspective, the overall aim of this research is to gain a deeper understanding on immigration policy in general and diaspora policy in particular, which if correctly formulated and managed, can be used as a tool to foster state development. Moreover, it addresses transnational paradigm, as diaspora members after their return to the country of origin become a part of transnational network, bridging at least two cultures, the one of country of birthplace and the country of ancestors. In consequence, they cannot be perceived simply as regular immigrants, although this characteristic to some extent must be ascribed to them in the research.

The analysis adopts specific time frame and it covers the Soviet immigration of the 70s and Post-Soviet immigration of the 90s. The term Russians in this research refers to the Russian speaking Jews who were migrants from the territory of the former USSR, which implies that not all of them were Russian citizens, but certainly came from the same Soviet cultural circle. Transnational paradigm is leading theory of modern migrant integration policy, as it arose as a form of a contestation to assimilation theory, that today due to globalization is outdated strategy, and therefore will be used as a perspective in this research to examine Russian speaking Jews as a political actor of internal and external relations of the state of Israel. Moreover, it allows exploring returnees' simultaneous connections in their birthplace and country of their ancestors. The practical outcome of this research is an opportunity to identify the implications of return migration management for the development of state.

The main motivation behind choosing this topic was the scale of Russian immigration to Israel, author's interest in the issue and her previous scientific development in the topic. Mass immigration from the USSR was for many years one of the main challenges for the state of Israel, starting with absorption and functioning of the country, and ending with its economic, social, and political impact that we can observe. The subject of this thesis gains validity due to the fact that a serious discussion on Israel's immigration policies, the future of its society and remaining a Jewish character is taking place among scholars. Moreover, there are no in-depth studies covering the complexity of the impact Russian immigration had on Israel in a holistic manner. This is the gap that the author is attempting to supplement with its research.

In case of this research scarcity of proper official statistic data on migration, remittances and other social, economic and financial indicators for Russian speaking Jews migrating to Israel was the biggest obstacle. Therefore, to meet the aims of the study and to answer the research questions, both quantitative (whenever possible) and qualitative research methods based on theoretical and empirical approaches, as well as deductive reasoning, were used as the most

⁵ **Karolina Jedrzejewska**, PhD candidate in Political Studies, MA in International Relations, University of Warsaw, Poland. E-mail: kzjedrzejewska@gmail.com.

appropriate to explore the subject of this research. In this research qualitative method uses literature review-based study in historical approach, relying primarily on social constructivism. The main aim is to translate the results of empirical research into the normative ground.

It should be emphasized that migration theories are being developed within the boundaries of different research disciplines such as with demography, geography sociology, economics, political science, or law. There is no single theory that can be used as a universal one in migration studies, therefore an interdisciplinary approach was chosen in this research. The research is located within the diaspora paradigm, as well as transnational perspective. However, it does present other theoretical concepts as complementary, for better understanding of Israel's nation-building and immigration policy, Jewish diaspora context in general, and Russian speaking Jews as the subjects of the research in particular.

The researcher's position as a former student and therefore temporary inhabitant of Israel affected the research design and the research process, especially the approach to the data collection, formulation of research hypothesis and conclusions in order to reflect the reality of Israel experienced by the author. A researcher's self-reflexivity as part of this research is understood as a factor that is enriching the research context. However, the rigorous process of analysis is undertaken to limit this influence to make the research objective.

The aim of this thesis is to examine the effect of return migration of Russian speaking Jews on development of Israel, and to evaluate Israel's immigration policy. The research focuses on exploring returnees' "social remittances" which consist of ideas, practices, and social capital (or social connections) that migrants bring to their country of origin (in this case Israel). This research focuses especially on the remittances transmitted in the context of returnees' professional, economic, social, and political activity.

Additionally, the author tries to analyze the areas of impact of Russian immigrants and its consequences. The impact of migratory processes can be analyzed depending on the actor from three intertwining perspectives: from the point of view of the migrant and its household (family), sending country (homeland), and receiving country (host land). The subjects of this thesis are Russian immigrants perceived by the author as the representatives of Jewish diaspora, and the state of Israel as a unit on which the impact is being studied. Therefore, the impact of migration is analyzed from the perspective of returning diaspora to homeland, which in this case homeland is a receiving country, not a sending one. Migrant perspective will also be analyzed and described, but as a tool to fully grasp the impact of migrants (Russian speaking Jews) on the receiving country (Israel).

In order to meet the aim of this research several research questions are posed:

1. How Israel exploited its diaspora potential for national development?
2. How return migration policy can be used as a tool to foster state development?
3. How did the Russian speaking Jews influence the economic, social and political spheres of the state of Israel?
4. What are the economic, social and political consequences of mass influx of Russian speaking Jews for the state of Israel?

The research argues that the returnees can potentially impact the development of the state, but their contributions are largely conditioned by the social, economic, political and legal environment of the state, as well as their own motivation and the bond they have with the country of their ancestors. It also discusses and tries to provide a better and deeper understanding about the transformation of identity within the Russian speaking Jewish diaspora in Israel.

Русские люди в блистательной Порте

Кадырбаев А.Ш.⁶

Тема, связанная с пребыванием русских в Османской империи на протяжении ее более чем полу-тысячелетней истории, недостаточно привлекала внимание исследователей, хотя число русских в этой стране в разные времена всегда было значительным, часто счет их шел на сотни тысяч, если не на миллионы людей, что являлось по большей части результатом работорговли, и, в гораздо меньшей степени, политической эмиграции с земель Московской и Малой Руси. Работорговля была обусловлена постоянными набегами союзного Османской империи с конца XV в. Крымского ханства на земли Московской Руси, а также Малой Руси, известной ныне как Украина, до середины XVII в. находившейся в составе Польско-Литовского государства – Речи Посполитой, когда несколько столетий вплоть до второй половины XVIII в. орды крымских кочевников шли в походы с целью захвата пленных. Русскими в XV–XVII вв. в Османской империи и Крымском ханстве называли выходцев с Малой и Белой Руси, а жителей Московской Руси – москвитами.

Известным персонажем истории России, попавшим на каторги османов в качестве раба-гребца и освободившимся при неясных обстоятельствах, был «герой» Смутного времени, предводитель восставших крестьян и дворян против царя Василия Шуйского Иван Болотников. Европейские авторы XV–XVII вв. отмечают, что торговые площади и базары Стамбула были наполнены русскими невольниками разных сословий, полов и возрастов, что «на всех турецких галерах не видеть было почти никаких других гребцов, кроме русских, огромное их число попадало в домашние рабы, но немало попадало и в Анатолию, где их заставляли заниматься земледелием...»⁷. Судьба этих «полоняников» стала темой не только русского, но и турецкого фольклора. Эти люди, чтобы освободиться от плена и рабства, и в дальнейшем остаться в стране и ассимилироваться, становясь частью османского общества, могли совершить самовыкуп (мукатаб), их мог освободить и сам хозяин⁸, однако принятие ислама не гарантировало им свободу несмотря на то, что, согласно законам, все мусульмане изначально свободны и не могут быть обращены в рабство на территории собственной страны⁹. Адаптации русских в османское общество способствовало также то, что славянским языком владели многие османы, в том числе и при дворе султана, среди янычар – пешей гвардии османов и спахиев – конного корпуса, славянский часто выступал дипломатическим языком¹⁰. Славянский фактор в лице единоверцев – православных южнославянских народов – османских подданных был весом в системе Османского государства.

Известно о русских, достигших высокого положения на службе османам. Среди них Хасан-паша, назначенный в 1567 г. бейлербеем – наместником Йемена, Джафар-паша, который в 1568–1572 гг. занимал пост бейлербея в Западном Триполи на территории Ливии, тогда бывшей частью владений турок-османов, верховный или великий визирь «Каваноз» Ахмед-паша, умерший в 1703 г., второе лицо в государстве после падишаха, согласно османскому табелю о рангах¹¹. Высот власти достигла рабыня Роксолана, она же Хюррем, попавшая в плен во время очередного набега на Украину крымских татар, а затем ставшая в гареме падишаха Сулеймана Великолепного или «Кануни» – Законодателя любимой

⁶ Кадырбаев Александр Шайдатович, д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока в Институте востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: kadyr_50@mail.ru.

⁷ Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в. // ППС. Т. X. Вып. 3 (30). СПб., 1890. С. VI–VII.

⁸ Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 7.

⁹ Ислам. С. 6.

¹⁰ Ламанский В. Исторические замечания к сочинению: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб: Тип-ия Императорской Академии наук, 1859. С. 160–162.

¹¹ Насретдинов, Хасан. Русский визирь в Османской империи / Islam-News. 30.11.2018. URL: <https://islamnews.ru/news-russkij-vizir-v-osmanskoj-imperii>.

наложницей¹², а позднее – официальной женой¹³. Ее сын Селим II стал падишахом Османской империи, а до его совершеннолетия Хюррем была его регентшей и правила несколько лет самой могущественной империей того времени. Любимой женой султана Ибрагима стала уроженка Малой Руси – Турхан-султан, оказывавшая заметное влияние на государственные дела.

Но, не все русские попадали в Османскую империю как пленники и рабы, подобно приведенным выше персонажам, хотя последние и добились высокого положения в ее государственной и военной системе. В Османской империи присутствовали и русские общины, представлявшие русских людей, бежавших в ее пределы по политическим мотивам, яркий пример которых демонстрируют донские и запорожские казаки. Обстоятельства, побуждающие к эмиграции, заключались в том, что в XV–XVIII вв. народные массы едва ли не большинства стран Европы, особенно крестьянство, жаждали прихода османов и связывали с ним свои надежды на избавление от гнета своих власть имущих. Не избежали таких настроений и русские земли.

Желание «быть под турком» было распространено среди православного населения Речи Посполитой, особенно на Малой Руси, где широкое распространение получил миф о «блаженстве для христианской веры» в Османской империи. Таким настроениям на Руси способствовало отсутствие в Османской империи крепостного права и каких-либо форм личной зависимости или сословной неполноправности крестьян, что было так заметно выражено на русских землях. Многочисленные слухи о веротерпимости османов также привлекали к ним сердца угнетенных и обездоленных. Но, наиболее важным элементом пресловутой «махметовой прелести», как ее называли на Руси, был миф о крестьянской «правде». К тому же большинство сановников Османской империи, где не было, в отличие от Руси и стран Запада, потомственной аристократии, были крестьянами по происхождению¹⁴. Поэтому в XVI – начале XVII вв. османское правительство и его люди воспринимались как носители крестьянской «правды»¹⁵.

После поражения крестьянской войны под предводительством Степана Разина, потрясшей государство Российское во второй половине XVII в., на Кубань, в пределы Крымского ханства, государства союзного Османской империи, бежали донские казаки-старообрядцы или староверы, участники этого восстания. В 1709 г. после разгрома на Дону восстания под предводительством Кондратия Булавина на Кубань ушли 7 тысяч казаков во главе с атаманом Игнатом Некрасовым. По прибытии некрасовцев, сначала крымские ханы Гиреи, а затем падишахи Османской империи, предоставили им политическое убежище, и они с разинцами сформировали первое в истории Кубанское казачье войско, о чем не любят вспоминать современные кубанские казаки, так как оно охраняло границы Крымского ханства и Османской империи от поползновений империи Российской. Подданство Крымского ханства гарантировало казакам Игната Некрасова самое для них главное: свободу в вопросах внутренней организации казачьего войска и свободу вероисповедания¹⁶. То, чего в России у них уже больше не было, так как после раскола Русской православной церкви в результате реформ ее патриарха Никона, поддержанного царской властью, заметная часть традиционного русского общества, приверженцев старого толка православия, известных как староверы или старообрядцы, к числу которых в большинстве своем относилось казачество Дона, Яика (Урала), Волги и Терека, подверглось жестоким гонениям. Но, крымский хан гарантировал равноправный статус казаков-некрасовцев с мусульманским населением, автономию их казачьей общины, жившей по своим традициям, в государственной и военной системе Крымского ханства. Такую же политику проводили по отношению к казакам-некрасовцам и падишахи Османской империи, подданными которой стали некрасовцы после разгрома и упразднения Крымского

¹² Peirce L.P. The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire. New York: Oxford University Press, 1993. Pp. 59–60.

¹³ Peirce L.P. The Imperial Harem... P. 62.

¹⁴ Иванов С.Н. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М.: Восточная литература, 2001. С. 26.

¹⁵ Иванов С.Н. Указ. соч. С. 254.

¹⁶ Минорский В.Ф. У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 32–34.

ханства властями Российской империи в 1783 г. Следует отметить, что условия службы крымскому хану и падишаху османов были более приемлемы, чем служба Российскому государству, так как предоставляли им больше свободы. Некрасовцы принимали активное участие в походах крымских татар против России. Для кубанцев-старообрядцев, это была война за свою древнюю православную веру против ложной с их точки зрения никонианской церкви и самодержавия. Вплоть до 1768 г. некрасовцы принимали беженцев из России.

Но, некрасовцы были не единственными выходцами с Руси, служившими Османской империи. Интересно, что с «врагами креста Христова», каковыми были ханы Крымского ханства, казаки Запорожской Сечи, если посмотреть на историю их войн, чаще ходили в набеги на Московскую Русь и Речь Посполитую, чем воевали против Крымского ханства и Османской империи.

В 1709 г. после победы русских войск царя Петра I над шведами под Полтавой, вместе с их королем Карлом XII в Османскую империю бежали с Малой Руси несколько тысяч казаков во главе с гетманом Украины Иваном Мазепой, изменившим Петру и воевавшим на стороне шведов, а также казаков Запорожской Сечи, 8 тысяч которых во главе со своим кошевым атаманом Константином Гордиенко перешли на сторону шведского короля. После этих событий российские самодержцы последовательно уничтожали вольности и автономию казаков Малой Руси и «после разрушения Сечи в 1775 г. в Османскую империю хлынули запорожцы», 12 тысяч которых сначала обосновались под Очаковым и в Молдавии. Все они приняли османское подданство. Но, в 1792 г. русские войска овладели Очаковым и запорожцам пришлось продолжить свой путь изгнания. Они отступают к Дунаю, где с разрешения османских властей основывают Задунайскую Сечь, просуществовавшую до середины XIX в., до возвращения потомков запорожцев на родину после амнистии российского правительства.

Таким образом, разинцы, некрасовцы и запорожцы воплотили в реальность слухи о «вольной жизни» под властью, сначала крымских ханов, а затем падишахов Османской империи, которые будоражили воображение крестьян многих стран, окружавших государство османов, и порождали у них фантастические легенды о существовании «царства блаженных людей». Эти слухи проникали и в Московскую Русь. Среди русских людей издавна существовала тяга на юг, в далекие земли, куда не доходила власть царя и бояр. С русских Волги и Дона, с Малой Руси – «их неудержимо тянуло в пределы Крымского ханства и Османской империи: на Кубань и Синий Дунай, затем дальше «в Надолию (*Анатолию – авт.*) ... не то у Сирийское царство»¹⁷ – одним словом туда, когда на Балканах и в Венгрии, в Западной Европе и России «большие группы людей, в силу не одинаковых соображений и настроений не только без ужаса помышляли о грозящей возможности турецкого нашествия и завоевания, но даже прямо желали этого»¹⁸.

А.А. Половцов (1867–1944) в Индии

Загородникова Т.Н.¹⁹

Первое российское императорское генеральное консульство в Бомбее было открыто в конце 1900 г. Первому генконсулу В.О. фон Клемму пришлось работать в тяжелых условиях противостояния Британии и России, в условиях Большой игры в Центральной Азии. Но шло время, с изменением международной обстановки после окончания русско-японской войны Великобритания и Россия готовились к подписанию договоров, которые привели бы их к союзническим отношениям, к Антанте. Новый курс в политике должен был

¹⁷ *Короленко В.Г.* Над лиманом. (Из записной книжки путешественника) I. «Некрасовский корень» // Русское Богатство. СПб.: Типо-Литография Б.М. Вольфа, 1897. № 11. С. 165.

¹⁸ *Крымский А.О.* О «туркофильстве Европы и Московской Руси XVI в. Прил. к книге: История Турции и ее литературы. М., 1910. С. 151.

¹⁹ **Загородникова Татьяна Николаевна**, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: TNZAG@mail.ru.

начать человек, который сумел бы построить дружественные отношения между Калькуттой и Петербургом. Этим новым консулом стал Александр Александрович Половцов. Он происходил из очень богатой и знатной семьи, близкой к императорской. В 1888 г. он вступил в службу в лейб-гвардии Конный полк, через несколько лет был зачислен в Министерство внутренних дел, где работал по организации помощи пострадавшему от неурожая населению поволжских губерний и переселенческому делу, в связи с этим он был командирован в Ташкент.

По-видимому, здесь, в Туркестане, у А.А. Половцова родился интерес к Востоку. Вместе со своим секретарем М.С. Андреевым, в будущем крупным специалистом по языкам и этнографии народов Советского Востока, членом-корреспондентом АН СССР (1929 г.), собирал материалы по этнографии, фольклору, искусству таджиков. Накопленная информация легла в основу их совместного доклада на Историко-филологическом отделении Музея по антропологии и этнографии 27 февраля 1908 г.

В 1898 г. А.А. Половцов перевелся в Министерство иностранных дел, служил в Азиатском департаменте, был командирован в Среднюю Азию (1903–1905), где принимал деятельное участие в разрешении «Памирского вопроса». Следующим его назначением (1906 г.) стал пост российского императорского генерального консула в Бомбее.

А.А. Половцов с малых ногтей свободно говорил по-английски, у него была няня-англичанка. С детства он был англоманом, имел много знакомых среди английской аристократии и высшего чиновничества. В Индии А.А. Половцову пришлось налаживать работу генконсульства в новых обстоятельствах. Он должен был стать своим среди высшего света Бомбея. Немаловажной чертой личности А.А. Половцова была его открытость для разного рода светских знакомств, для налаживания связей в среде англо-индийской администрации. В данном случае это было достаточно важное качество. По прибытии Александр Александрович первым делом поменял помещение, в котором располагалось генконсульство, на более просторное и престижное. Для себя он снял большую виллу в аристократическом районе Бомбея Малабар Хилл, отремонтировал и меблировал ее, сделав пригодной для светских раутов. Новый генконсул намеревался прожить в Индии не один год, поэтому он обустроивался обстоятельно, с максимальными удобствами, он даже разбил сад, посадив множество местных цветов и деревьев.

Для вхождения в местное общество он прежде всего установил хорошие отношения с губернатором Бомбея, более того по-настоящему подружился с ним. Губернатор явно выделял русского генконсула. Забот по сугубо дипломатической линии было мало. По несчастливому для Половцова стечению обстоятельств его укусил малярийный комар, и он серьезно заболел. Приступы следовали один за другим, местные врачи были бессильны, Половцовым пришлось спешно уехать, сначала на два месяца в Египет; когда и это не помогло, они отплыли из Бомбея в Европу. Они планировали вернуться, но врачи настойчиво не советовали Александру Александровичу возвращаться в Индию.

Так неожиданно и преждевременно закончилась служба А.А. Половцова в Бомбее. Его кратковременное появление определенно оставило глубокое впечатление в высшем обществе Бомбея, его запомнили, как истинного русского аристократа.

Russian travelers in the Indian Ocean: images of the past (XV–XIX centuries)

Pogadaev V.A.²⁰

Russia has never had any colonial territory in the region of Indian Ocean. So, the main interest of any Russian venture including traveling there was dictated either by the interest to promote trade relations or to pursue mere scientific objectives. True to say due to the fact that

²⁰ **Погадаев Виктор Александрович**, к.и.н., доцент Московского государственного института международных отношений, г. Москва. E-mail: povial@yahoo.com.

the region was controlled by European countries which established trade monopoly there, the trade between Russia and this region was conducted not directly but through the European metropolises.

One of the first Russian travelers to the region was a merchant Afanasy Nikitin who visited India (?–1472) 25 years before Vasco da Gama “opened” India for Europe. His notes published under the title *The Journey Beyond Three Seas* is a document of great interest.

The first Russian expedition to explore this region and circumnavigate the Earth took place later (in 1803–1806) and was headed by a naval officer I.F. Krusenstern (1770–1846). He prepared and in 1823–1826 published *The Atlas of the Southern Sea* in which described the sailing routes along the Eastern coast of Sumatra and Sunda Strait.

During his voyage around the world (1852–1855), the Russian writer Goncharov (1812–1891) visited Java and devoted his best narration to it in his travelogue, a chronicle of the trip, *The Frigate Pallada (The Frigate Pallas)* published in 1858.

The famous Russian scholar and traveler Miklukho-Maklai (1846–1888) made his field research in the Malacca Peninsula and Java in the 1870's. Many Russian scientists were working in Bogor Botanical Garden in Indonesia. Their accounts gave enthusiastic description of the nature and picturesque sceneries of this region. But they also paid attention to the social and cultural phenomena. M.I. Venyukov (1832–1901), a well-known geographer and traveler, for instance, gave analysis of the British colonial rule, while I.F. Krusenstern ordered to copy *Malay Annals* and brought it back to Russia.

The narratives of Russian scientists and travelers are of great value and are considerable contribution to our knowledge about Indian Ocean in the past.

Российская диаспора в Пакистане как заложник противоречивых отношений между странами

***Баканова М.В.*²¹**

В отличие от многих стран в Пакистане российская диаспора сложилась поздно. Это было связано с такими факторами как:

- кашмирский конфликт, когда СССР встали на сторону Индии;
- общие опасения «исламской страны», находящейся в географической близости к среднеазиатским республикам;
- отсутствие пакистанских студентов в советских ВУЗах вплоть до 70-х гг.

Политика Зульф리카ра Бхутто, направленная на построение «исламского социализма», подкрепилась не только отправкой пакистанских студентов для получения образования в СССР, но и приглашением советских специалистов в Пакистан. Определенную роль в этом сыграл основанный в это же время Центр российской культуры в Карачи. При этом межнациональных браков в то время заключалось мало. В период Афганской войны усилиями советских дипломатов в СССР пересылалось большое количество афганцев с территории Пакистана (в том числе и пакистанских пуштунов), которые заявляли о поддержке советской стороны. А в 90-е гг. пакистанцев среднего класса стало привлекать относительно недорогое, но сохранившее качество российское образование, а также новые возможности рынка или эмиграции в третьи страны после получения российского гражданства. Таким образом, в конце XX века экспоненциально росло количество российско-пакистанских браков, часть из которых заканчивалась эмиграцией россиянок в Пакистан. И к началу XXI века стало возможным говорить о формировании российской диаспоры в Пакистане.

Однако условия проживания россиянок в Пакистане таковы, что даже подсчитать их точное количество является проблематичным. Данными не обладает в том числе

²¹ **Баканова Марина Владимировна**, независимый исследователь, главный врач в “Dua Hospital” International Care Medical Centre Islamabad Pakistan, г. Исламабад, Пакистан. E-mail: mari-ina@mail.ru.

Посольство РФ в Пакистане. Часть женщин живут изолированно от российской общины, фактически утратив культуру и язык. При этом, основными центрами связи российской диаспоры в Пакистане являются: Посольство РФ в ИРП (Исламабад), Генеральное консульство РФ в ИРП (Карачи) и РЦНК (представительство Россотрудничества в Карачи).

Несмотря на то, что в последние годы отношения между Россией и Пакистаном несколько улучшаются, состояние российской диаспоры остается плачевным:

1. Российские граждане, проживающие в Пакистане лишены прав на получение любого социального обеспечения, права на охрану здоровья, на образование, на получение пенсии и прочее.
2. Дети, имеющие гражданство России не могут поступить в российские ВУЗы ни как граждане РФ, ни как иностранцы. Также для них недоступны квоты на образование.
3. Нередко нарушаются избирательные права россиян.
4. Граждане России, постоянно проживающие в Пакистане, подвергаются дополнительным допросам и досмотрам на границе, причем не однократно, а при каждом прилете в РФ.
5. Существуют проблемы с консульской службой и оформлением документов. Многие документы оказываются потерянными, утраченными, неправильно оформленными (или вовсе неоформленными). Многие граждане России вынуждены годами жить без каких-либо документов на руках, пока идут разбирательства между консульским отделом дипмиссии и МИДом. Зачастую данные о родившихся детях, получивших в дипмиссии гражданство РФ не передаются в головные организации и, когда ребенку исполняется 14 лет, он не может получить внутренний паспорт РФ просто потому, что данных на него нет в базе.
6. РЦНК проводит мероприятия исключительно для проживающих в Карачи, остальные регионы страны им не охвачены.
7. Насущна проблема с изучением русского языка – наблюдается отсутствие не только школ, курсов и т. п., но и необходимой литературы.
8. Присутствуют сложности с юридическим оформлением российской диаспоры в Пакистане и отсутствием помощи как со стороны российских властей, так и со стороны дипмиссий (даже проект «Сердце Лидера» на конкурсе «Лидеры России 2018-19» не привлек внимания).

С одной стороны россиянки вынуждены сохранять российское гражданство при проживании в Пакистане и оформлять его своим детям по причине того, что при его утрате у них будут большие сложности с оформлением виз для визитов к родственникам, а также в случае бракоразводного процесса. С другой стороны они и дети подвергаются дискриминации в силу пакистанских законов, гражданство РФ становится барьером для трудоустройства женщины или ее детей, получения образования и т. п. Таким образом, они дискриминированы дважды: со стороны РФ (по факту проживания) и со стороны государства проживания (по факту гражданства РФ).

Место проживания российских граждан, в данном случае Пакистан, оказывается основанием для лишения граждан РФ части прав, утраты ими и их детьми доверия государства (признание априори неблагонадежными), основанием для ненадлежащего оформления их документов или отказа в оформлении оных и т. д.

Неоднократные обращения в правительство РФ, МИД, Россотрудничество и на прямую линию с президентом России В.В. Путиным не дали никаких результатов, кроме формальных писем, не содержащих практической информации. Информация о прибытии представителей власти РФ в Пакистан скрывается от соотечественников, и о них узнают постфактум из новостей, что не дает возможности личной встречи и решения каких-то проблем.

Таким образом, российская диаспора в Пакистане находится в заложниках сложных межгосударственных отношений между странами, данная проблема не рассматривается властями России ни на каком уровне, не является значимой для российских

представительств в ИРП. Фактически, российская диаспора в Пакистане вынуждена выживать за счет собственных усилий в условиях утраты доверия к российским властям.

Русские художники в Средней Азии (1920–1940 годы)

***Шафранская Э.Ф.*²²**

В докладе будет рассмотрен круг русских художников, которые по разным причинам в 1920–1940-е годы оказались в Средней Азии и Казахстане. Этот неведомый край воспринимался ими своеобразной «русской Италией», которая прежде входила в образовательный художественный канон. Одной из таких «итальянских» точек был Самарканд. Художники ехали сюда на время: одни оставались навсегда, другие уезжали, но потом вновь возвращались. Это место по своей притягательности и эстетике можно считать *genius loci*. Именно он, дух места, повлиял на творчество многих художников, которые вошли в историю искусства своими среднеазиатскими работами.

Среди художников – Александр Николаев (Усто Мумин), Виктор Уфимцев, Даниил Степанов, Николай Мамонтов, Кузьма Петров-Водкин, Михаил Курзин, Елена Коровай, Климент Редько, Григорий Улько, Павел Зальцман и др. По-разному сложились их судьбы. Одни попали под машину сталинских репрессий. Другие были убиты и зарыты в общей безымянной могиле, в частности на Бутовском полигоне: Владимир Андерсон, Александр Древин, Михаил Гайдукевич, Владимир Тимирев. Их творчество в большинстве своем уничтожено вместе с авторами. А некоторые возвращаются только сейчас, и даже своими литературными текстами о Средней Азии (так, во втором десятилетии XXI века опубликован роман Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века», который автор никак не предполагал сделать публичным при жизни).

Тех, кого не арестовывали и не расстреливали, ломали психологически, делая их жизни безысходными. Потому что их творчество не вписывалось в канон соцреализма, это было *другое* искусство. И если бы не спасительная миссия И.В. Савицкого, собравшего случайно уцелевшие работы, которым грозила физическая смерть, и восстановившего их, то сегодня мы мало что знали бы об этих художниках. Так была дана жизнь русскому авангарду – на территории тогда советской, а теперь иностранной Средней Азии.

Тенденции предпандемийного года в языковой ситуации в Казахстане

***Смирнова Ю.Г.*²³**

В исследовании показаны статистические показатели, характеризующие языковой ландшафт Казахстана на момент 2019 года. Эти данные сопоставляются с данными предшествующих лет: затрагиваются области, оказывающие влияние на языковую ситуацию – сферы казахстанской науки, культуры и образования. Преимущественно используются материалы Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан²⁴, данных сайтов «ДЕМОСКОП Weekly»²⁵, «СтатИнфо РК»²⁶, международной программы по оценке образовательных достижений обучающихся PISA (показатель читательской грамотности), Национального доклада о

²² Шафранская Элеонора Федоровна, д.филол.н, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, г. Москва. E-mail: shafranskayaef@mail.ru.

²³ Смирнова Юлия Георгиевна, доцент кафедры языковых знаний Алматинского университета энергетики и связи, г. Алма-Ата. E-mail: y.smirnova@aues.kz.

²⁴ Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/>.

²⁵ Сайт «ДЕМОСКОП Weekly». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0897/index.php>.

²⁶ Сайт «СтатИнфо РК». URL: <https://statinfo.kz/stat-facts.html>.

состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2019 года)²⁷ и др. Обозначены ведущие тенденции в этих сферах до пандемии.

В работе обозначены тенденции 2019 года, связанные с «утечкой мозгов» среди различных групп населения; очерчены факторы, провоцирующие это явление, показываются последствия этого процесса для казахстанского общества в предпандемный год.

Серьезное внимание в материалах исследования уделено проблеме дефицита молодых педагогических кадров, особенно по специальностям «Русский язык и литература» и «Русский язык в казахской школе»; дан анализ причин, способствовавших созданию такой ситуации в профессиональной сфере.

Показаны интересные новшества 2019 года в сфере казахстанского образования: так, принят Закон «О статусе педагога», внедрен проект «Бесплатное ТиПО для всех», принят Закон о расширении академической и управленческой самостоятельности вузов и др.

Затрагивается вопрос образовательного неравенства. Так, по результатам PISA-2018 наблюдались большие разрывы в успеваемости среди учащихся городских и сельских школ, с казахским и русским языками обучения²⁸. Легко предположить, что пандемия усугубит образовательное неравенство среди означенных категорий учащихся Казахстана, причем не только в школьном сегменте.

Материалы исследования будут предоставлены в развернутом виде для коллективной монографии «Восточные ветви российской диаспоры». Полагаем, что многие тенденции в области науки, культуры и образования изменят свое направление под влиянием пандемии. Очевидно, изменениям подвергнется и языковая ситуация в Казахстане. Какими они будут в целом? Это покажет статистика пандемийного и постпандемийного периодов.

Материалы исследования могут представлять интерес для ученых, изучающих влияние пандемии и иные сопутствующие факторы на казахстанское общество в культурном, языковом и образовательном сегментах в означенный период.

Цзаин-Шаби – русская фактория в Монголии позднеимперского периода

Михалев А.В.²⁹

История русской фактории, основанной у стен монгольского монастыря Цзаин-Шаби, представляет собой хорошо задокументированную хронику распространения российского влияния во Внешней Монголии. Дореволюционный Цзаин-Шаби – это современный город Цэцэрлэг, административный центр Архангайского аймака в 880 километрах от Улан-Батора. Буддистский монастырь Цзаин-Шаби в начале XX века был резиденцией Цзаин-гэгэна – буддистского хубилгана, второго по влиянию в стране после Богдо-гэгэна (теократического монарха с 1911 года). По данным В. Попова в монастыре проживало 1000 лам, 100 китайцев и несколько русских. При Цзаин-Шаби действовало множество иностранных фирм, прежде всего, русских и китайских. Непосредственно российских фирм в Цзаин-Шаби действовало 8: Коковина, Швецовых, Балахнина, Жукова, Суткена, Свинина, Кузнецова³⁰.

²⁷ Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2019 года). URL: <https://drive.google.com/file/d/1gKIGnDQr-0kaLciHQK8tKxQWUbdFf-Li/view>.

²⁸ Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2019 года). С. 87. URL: <https://drive.google.com/file/d/1gKIGnDQr-0kaLciHQK8tKxQWUbdFf-Li/view>.

²⁹ **Михалев Алексей Викторович**, д.полит.н., Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ. E-mail: mihalew80@mail.ru.

³⁰ *Парняков Ф.* О русских в Монголии // Государственной архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 4.

Эта небольшая русская фактория упоминается почти во всех трудах по истории русской общины в Монголии. В дореволюционный период о ней в материалах своей экспедиции писал В. Попов³¹, а также священник Ф. Парняков³². В более современных работах упоминания о Цзаин-Шаби можно встретить в книге Н.Е. Единарховой (2 страницы)³³ и у Е.М. Даревской³⁴. Несмотря на то, что данная фактория упоминалась достаточно часто, специальных обобщённых исследований её деятельности до сих пор нет. Большинство материалов о Цзаин-Шаби представлено либо в опубликованных исторических источниках, характеризующих торговые отношения, либо в документах Государственного Архива Иркутской области.

Как свидетельствуют архивные материалы, дома русских колонистов в Цзаин-Шаби были расположены в «красивой глубокой долине, защищённой с трёх сторон громадными горами»³⁵. Общее количество русского населения составляло 70 человек. Дома поселенцев были построены на арендованной у китайцев или монголов земле. Как отмечает Ф. Парняков, посетивший Цзаин-Шаби в 1915 году, местные власти активно сопротивлялись выделению земли под факторию, ссылаясь на близость священных мест³⁶.

В Цзаин-Шаби русские колонисты построили общественный дом, библиотеку и организовали подобие земского управления. Был выбран старшина поселения Ф.Г. Балахин³⁷. Важным событием стала организация почтового отделения, долгое время функционировавшего на общественных началах. В итоге Цзаин-Шабинцы создали общественную кассу, обложив всех русских жителей колонии ежегодным налогом в размере пятидесяти рублей. С появлением денег был открыт временный православный храм³⁸. В сущности, несмотря на многочисленные проблемы с юридическим статусом, это поселение было важным опорным пунктом Российской империи во Внешней Монголии. Его стратегическое значение проявится в условиях гражданской войны в России. Именно с Цзаин-Шаби будет выстраивать отношения военное министерство Сибирского временного правительства П. Вологодского, а не с Ургинской колонией, в которой были сильны революционные настроения³⁹.

Начиная с 1918 года в Цзаин-Шаби действовала Западно-монгольская экспедиция Сибирского временного правительства по закупке скота и фуража для военных нужд. В отчётных документах экспедиции фигурируют цифры закупок и маршруты перегонки скота в Россию. Действуя в условиях гражданской войны, экспедиция старалась организовать закупки скота для армии Сибирского правительства минуя особо опасные направления. Троицкосавк и Желтура считались безопасными. Складские помещения и платёжные учреждения этих населённых пунктов обеспечивали работу Западно-монгольской экспедиции. Закупленный скот в дальнейшем доставлялся в Иркутск, откуда поступал в действующую армию⁴⁰.

С источниковедческой точки зрения представляет интерес почта указанной экспедиции, проходившая через Цзаин-Шабинское отделение, созданное самими колонистами. Эта почта в условиях гражданской войны выполняла функцию бесперебойной телеграфной связи экспедиции с Иркутском и с Сибирским временным правительством. Телеграммы, письма и отчёты 1918–1919 годов содержат скрупулёзную информацию об объёмах средств, выделявшихся для закупки скота, о сложностях его перегонки, а также о

³¹ Попов В.Л. Торговые центры Монголии и их влияние // Московская торговая экспедиция в Монголию 1912 года. Сборник. Москва: Типография П.П. Рябушинского, 1912. С. 187.

³² Парняков Ф. Указ. соч.

³³ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки истории Русско-Монгольских связей к. XIX – н. XX вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. 400 с.

³⁴ Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003. С. 199–200.

³⁵ Парняков Ф. Указ. соч. Л. 4.

³⁶ Парняков Ф. Указ. соч. Л. 4.

³⁷ Парняков Ф. Указ. соч. Л. 6.

³⁸ Единархова Н.Е. Указ. соч.

³⁹ Д.П. Перших охарактеризовал революционных колонистов как «большевистствующих». См. подробнее Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булаг. Самара: Агни, 1999. С. 59–62.

⁴⁰ ГАИО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 2.

торговых операциях экспедиции. В итоге по мере расширения её деятельности в 1919 году фактория была преобразована в Цзаин-Шабинский район, попавший под контроль белых, а его руководителем был назначен Грейсер⁴¹. Ставшая за годы гражданской войны стратегически значимой, Цзаин-Шабинская фактория была разрушена в ходе боевых действий. Однако показательно то, что цели, с которыми фактория создавалась, были полностью достигнуты. Именно Цзаин-Шаби обеспечивала армию необходимыми поставками не только скота, но и упряжи, равно как и других товаров, востребованных в военное время⁴².

Пример Цзаин-Шаби – это не только образец самоорганизации сообщества в инокультурной среде, но и важный опыт партнёрских отношений в условиях политической нестабильности. Судя по документам Цзаин-Шабинской области, все закупки оплачивались серебром, а реквизиции не допускались. Опыт реквизиций ввёл лишь барон Унгерн в 1921 году. На наш взгляд, во многом именно они подорвали доверие монгольского общества к его режиму. А Цзаин-Шаби продержалась до разгрома отряда генерала А.С. Бакича и подверглась «очистке» от контрреволюционных элементов лишь в 1922 году.

Голод 1921 г. в России: помощь дальневосточной эмиграции

Урядова А.В.⁴³

В 1921 г. в РСФСР начался страшный голод. Русская эмиграция откликнулась на него созданием организаций помощи, личными посылками.

На Дальнем Востоке наиболее активно себя проявили харбинские организации. 15 августа 1921 г. в полосе отчуждения КВЖД возник Международный (американо-русский) Комитет помощи голодающим Советской России. За 1921 г. комитет собрал около 12 тыс. золотых рублей, организовал в Маньчжурии отдел местной помощи тем немногим голодающим, которым удалось добраться сюда из России⁴⁴.

Харбинский общественный комитет помощи голодающим (ХОКПГ), созданный в августе 1921 г. включал 47 общественных эмигрантских организаций Харбина и создал 12 отделений в Японии и Китае, в местах проживания русских. Возглавил его руководитель харбинской еврейской общины доктор Абрам Иосифович Кауфман⁴⁵. Основной статьей дохода комитета были пожертвования, так же был осуществлен сбор средств по подписным листам, 5%-ные отчисления с заработной платы членов профсоюзов полосы отчуждения; средства от доходных мероприятий (платных лекций, концертов, балов, спектаклей и т.д.). Это были немалые средства: так, только от одного благотворительного бала в Железнодорожном собрании чистый сбор составил 29 тыс. золотых рублей, что позволило отправить в Россию вагон продовольствия⁴⁶. Были отпечатаны благотворительные марки достоинством в 5 и 10 коп., которые выдавались покупателям в магазинах вместо сдачи. Некоторые владельцы кинотеатров, клубов, ипподрома, цирка отчисляли процент со сборов. С 24 ноября 1922 г. по 1 июня 1923 г., когда острота проблемы голода была уже снята комитет собрал 107 245,37 руб.⁴⁷.

В эмигрантской дальневосточной периодике публиковались материалы о голоде, агитационные воззвания с призывами о помощи. Сбор в пользу голодающих проводился

⁴¹ ГА ИО. Ф. 71. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 109.

⁴² ГА ИО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 29.

⁴³ **Урядова Анна Владимировна**, д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль. E-mail: koukouch@mail.ru.

⁴⁴ *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 327, 328.

⁴⁵ *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая деятельность и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 110.

⁴⁶ *Мелихов Г.В.* Указ. соч. С. 323.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 225. Л. 3об.–4.

газетой «Шанхайская жизнь», выходили спецвыпуски газет⁴⁸. Был подготовлен выпуск информационно-агитационной газеты «Голод», печатали листовки с материалами о ходе кампании. Харбинская газета «Заря» призывала домохозяек собирать и сушить остающиеся у них куски хлеба. По всей Маньчжурии проводились тематические мероприятия: «Неделя сборов вещей и продовольствия», «Дни медикаментов», кампании «Дети – детям» и др. Были изготовлены значки «Подарок голодному» и «Приморье голодному», выпущены тематические журналы «Горе Пахаря» и «Тайфун», детские сказки, афиши, обращения, плакаты... Были отпечатаны почтовые карточки с фотографиями голодающих людей и голодных районов⁴⁹.

Два крупных харбинских коммерсанта, экспортеры зерна, пожертвовали 30 вагонов хлеба, которые за их же счет были отправлены в Самарскую губернию. Общество домовладельцев и землевладельцев г. Харбина выделило 7 вагонов проса. 2 вагона муки были получены в дар от трудящихся Сучанских каменноугольных предприятий. Голодающим были переданы все средства, собранные в праздник Гайди-фитр живущими в Маньчжурии мусульманами 27 мая 1922 г.⁵⁰. В начале октября 1921 г. в Россию был направлен первый состав – 30 вагонов с продовольствием. Даже к концу своего существования ХОКПГ не снижал темпов работы: 2 февраля 1923 г. был объявлен новый сбор в пользу голодающих, который позволил отправить еще 2 продовольственных состава⁵¹. Всего же из Маньчжурии в Поволжье послали 14 составов, каждый из которых состоял из 30 вагонов, с продовольствием, а именно: пшеницей, крупчаткой, какао, шоколадом, чаем, сахаром, с медикаментами и одеждой⁵².

Принимались и индивидуальные посылки в виде так называемых персональных пищевых переводов (от 10 до 50 \$). ¼ часть пересылаемой суммы поступала в фонд помощи детям в России, а остальные три четверти в виде продуктов адресату⁵³. Выдавали эти продукты в Советской России местные склады АРА (American Relief Administration – Американская администрация помощи). Средства шли в Россию и через саму АРА, и от ее имени через Харбинский христианский союз молодых людей⁵⁴.

Большинство русских, проживающих в Маньчжурии, были связаны с КВЖД. По инициативе управляющего КВЖД Б.В. Остроумова и под его руководством был создан Центральный железнодорожный комитет помощи голодающим. За период с октября 1921 г. по июнь 1922 г. железнодорожники собрали 38905 руб.⁵⁵ и 22 января 1922 г. отправили на них в Россию первый продовольственный эшелон. Всего сотрудники КВЖД отослали в Россию, по неполным данным, 5–6 продовольственных составов⁵⁶, 2 так называемых лечебно-питательных поезда и 1 специальный (тракторный)⁵⁷. В этих поездах ехали специальные сопровождающие, которые затем подсказывали, исходя из личного опыта и общения с голодающими, что необходимо изменить в деле помощи. В частности, один из уполномоченных, прикомандированных к этому эшелону, сообщал о нецелесообразности больших бакалейных посылок и о том, что голодающие просят посылать муку и зерно⁵⁸. Отдельно надо сказать о лечебно-питательных поездах, которые помимо вагонов с продовольствием и медикаментам, включали несколько вагонов-кухонь, вагонов-пекарен, амбулаторию с койками для больных и штат медицинских сотрудников, аптеку. Уже в пути был открыт детский дом с собственным изолятором, баней. Комитет помощи задумывался и о том, как не допустить голода в будущем. Именно для этого был снаряжен тракторный

⁴⁸ Шанхайская жизнь. 1922. 18 января; Русское рождество: спец. ж-л в пользу голодающих СССР. Шанхай, 1922; Вестник воскресения: изд-ие комитета Патриарха Тихона по оказанию помощи голодающим, при православной церкви в Шанхае. Шанхай, 1922.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 226.

⁵⁰ Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 327.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 226. Л. 4.

⁵² Экономический вестник Маньчжурии. 1923. 11 февраля; Говердовская Л.Ф. Указ. соч. С. 110.

⁵³ Шанхайская жизнь. 1922. 6 апреля.

⁵⁴ Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 328.

⁵⁵ Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 328.

⁵⁶ Киржниц А. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924. С. 61.

⁵⁷ Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 329.

⁵⁸ Шанхайская жизнь. 1922. 6 мая.

поезд с тракторным отрядом, который работал в Челябинской области с июня по ноябрь 1922 г. Когда острота проблемы спала, то появилось постановление Дальревкома (ДРК) об объявлении Б.В. Остроумова «вне закона» с требованием доставить его в распоряжение ДРК для предания суду революционного трибунала или же (в случае невозможности это сделать) – уничтожить его⁵⁹. Он и его ближайшие сотрудники были арестованы. Центральный железнодорожный комитет помощи голодающим выступил в их защиту⁶⁰. После года содержания в харбинской тюрьме, они были освобождены за отсутствием какого-либо состава преступления.

Имеющиеся у нас данные об аналогичных эмигрантских комитетах помощи в Европе позволяют говорить о том, что в деятельность дальневосточных организаций имела некоторые особенности. Они были автономны и не искали сотрудничества ни с аналогичными эмигрантскими организациями, ни со Всероссийским комитетом помощи голодающим. Так как они могли сами отправлять продовольствие, то были менее зависимы от иностранной помощи, т.е. от АРА и Красного креста, на которые полагались аналогичные европейские структуры. Это сокращало сроки и средства на доставку. Помимо снабжения продовольствием, дальневосточные организации, в отличие от других, оказывали и практическую помощь (медицинскую, сельскохозяйственную). Помощь шла не только голодающим Поволжья, но и близлежащим пограничным районам. Кроме того, последние данные о деятельности дальневосточных комитетов датируются осенью 1923 г., тогда как большинство эмигрантских комитетов помощи прекратили свое существование уже в конце 1922 г. В целом же можно сказать, что дальневосточные организации оказали неоценимую помощь голодающим и спасли от голодной смерти тысячи людей.

Русская диаспора в Китае

*Халилов О.У.*⁶¹

В докладе рассматривается история и деятельность русской (российской) эмиграции в АТР на примере деятельности русской диаспоры в Китае.

Появление первых русских в Китае историки относят к XIII столетию, периоду эпохи Юань. Нашествие монголов на Русь завершилось установлением политической и даннической зависимости русских княжества от власти Золотой Орды. Со временем некоторая часть русского воинства, наряду с кипчакскими и аланскими отрядами, вошла в состав войска монгольского хана Хубилая и поселилась на территории Китая. Период наивысшей экономической активности россиян в Китае пришелся на конец XIX – начало XX вв. и был связан с заселением русскими северо-восточной части Китая – Маньчжурии. С 1898 г. русское население проживало компактными поселениями на специально отчужденной Китаем территории. Заселение русскими Китая было предопределено общей границей и историей российско-китайских отношений, одним из значимых результатов которых стало строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и возведение русскими города Харбина⁶².

К 1917 г. в Харбине проживало 100 тысяч русских. Этот город сплотил русские семьи не на один десяток лет. Своей патриархальностью и бытом Харбин соответствовал провинциальному русскому городу. Помимо многочисленных построек, принадлежавших КВЖД, здесь возводились фабрики и заводы, гражданские и правительственные здания, гимназии и школы. Росло число банков, крупнейшим из которых был Русско-Китайский,

⁵⁹ Мелихов Г.В. Деятельность Б.В. Остроумова на КВЖД (1921–февраль 1922) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С. 159.

⁶⁰ Заря. 1923. 9 января.

⁶¹ Халилов Одилшох Улугбек оглы, студент исторического факультета Ферганского государственного университета, г. Фергана, Республика Узбекистан. E-mail: kodilshokh@mail.ru.

⁶² Бабкина Е.С. Русская диаспора в Китае в конце XIX – середине XX вв.: условия формирования, демографические характеристики, правовой статус // Вестник ТОГУ. 2017. № 3(46). С. 235–236.

позднее ставший Русско-Азиатским банком⁶³. Переселенцы занимались и предпринимательской деятельностью, которая распространялась на горное дело, на транспорт и лесное дело. Открывались магазины, рестораны, кинотеатры, городские сады. Издавались газеты, журналы, художественная и научная литература. В разговорной речи современных харбинцев до сих пор можно услышать русские слова «мама», «папа», «хлеб», «ведро», а любимым развлечением детей является лапта. И сегодня в Харбине можно купить копченую колбасу, изготовленную на местной фабрике по русским рецептам, сигареты фабрики «Лопа-то», а знаменитые магазины под вывеской «И.Я. Чурин» – «Цюлинь» – и сейчас являются крупнейшей универсальной торговой сетью в Северо-Восточном Китае. Многие поклонники харбинского пива не догадываются о том, что янтарный напиток получил путевку в жизнь на пивном заводе купца Хренникова, построенном еще в царские годы. В Синьцзяне русские поселенцы работали в пищевом производстве, строили дамбы и дороги, оказывали местному населению квалифицированную медицинскую помощь, открывали школы. Китайское население перенимало опыт в сельском хозяйстве, осваивая его новые виды. Много русских людей работало в качестве военных советников и телохранителей. Это было вызвано тем, что большая часть эмиграции состояла из офицеров и солдат. Русские состояли на военной службе у различных китайских милитаристов, развернувших в двадцатые годы борьбу за власть. Кроме этого, они служили в военных и полицейских подразделениях, охранявших покой мирных граждан Тяньцзиня и Шанхая⁶⁴.

Русская диаспора способствовала экономическому и культурному развитию городов Китая.

Российская диаспора в Синьцзяне в конце XIX – начале XX века

***Наземцева Е.Н.*⁶⁵**

Проникновение русских в приграничные территории соседнего Китая началось весьма давно и было закономерным. Упоминания о первых русских в Синьцзяне относятся еще к концу XVIII в. – началу XIX вв. По данным китайских исследователей, в этот период в районе Алтайского округа современного Синьцзян-Уйгурского автономного района появились первые переселенцы из России – кержаки. Приблизительно в 1830 г. местный феодальный правитель тайджи Кара-Осман принял от них посланников. Они преподнесли ему богатые дары и попросили, чтобы он разрешил им поселиться со своими семьями на территории его владений. Кара-Осман велел отвести им участки земли в Кому и Чонкуре в пределах уезда Бурчум. Семьи переселенцев обрабатывали землю, строили дома, завели хозяйство.

Постепенно их численность увеличилась, и образовались еще два поселения – Кэнас и Хайлютань. Первые русские поселенцы в Синьцзяне предпочитали селиться в труднодоступных горных местностях Тарбагатайского и Илийского округов⁶⁶.

Поселенцы в Синьцзяне были весьма состоятельными. Помимо природного трудолюбия этому способствовали особенности их правового положения на китайских землях: они не платили налогов и не облагались трудовыми повинностями⁶⁷.

В российских источниках также есть сведения о первых русских поселениях в Синьцзяне. По свидетельству Н.М. Пржевальского, в 30-е – 60-е гг. XIX в. русские поселились около озера Лоб-Нор, но были изгнаны китайскими войсками⁶⁸.

⁶³ Мясников В.С. Русско-китайский банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии // Мясников В.С. Квадратура китайского круга. М., 2006. Кн.1. С. 456.

⁶⁴ Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Китае // Русское зарубежье. 2014. № 3. С. 218–223.

⁶⁵ Наземцева Елена Николаевна, д.и.н., старший научный сотрудник отдела Китая, Институт востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: elenapazz@mail.ru.

⁶⁶ Этнические русские в Китае (исторический очерк). Пекин, 1992. С. 14.

⁶⁷ Этнические русские в Китае ... С. 15.

⁶⁸ Пржевальский Н.М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. СПб., 1888. С. 317–319.

Современные японские исследователи также упоминают о русских в Синьцзяне в этот период, в частности, о двух старообрядческих поселениях около озера Канас: Ком (Хом) и Канас. Их жители вели изолированную жизнь, занимались мараловодством, земледелием, пчеловодством, рыболовством и охотой⁶⁹.

Российское правительство, не препятствуя переселению в приграничные земли Синьцзяна, стремилось к оформлению прав русских на пребывание в китайских землях, а также налаживанию отношений с соседней империей. Это выразилось в заключении серии двусторонних соглашений: Трактата 1851 г., Айгуньского договора 1858 г., Пекинского Дополнительного протокола 1860 г., Чугучакского протокола 1864 г., а также Санкт-Петербургского договора 1881 г. и ряда других соглашений, которые способствовали сближению двух государств, определяли границы между ними, а также регулировали положение русских, обосновавшихся в Китае. Так, уже согласно Трактату, заключенному между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Чугучаке от 25 июля 1851 г., «для наблюдения за делами русских подданных» со стороны России определялся русский консул, русские купцы должны были иметь разрешение от своего консула для передвижения, развития факторий, строить дома и складочные магазины⁷⁰. Кроме того, русские купцы не облагались налогами. На территории Кульджи и Чугучака китайской администрацией им были отведены участки земли под пастбища и кладбища.

Это способствовало появлению на территории Синьцзяна новых русских – торговцев, так как полученные по договорам условия были выгодными для русской торговли. Постепенно в городах провинции образовались целые русские торговые кварталы, на которые не распространялась юрисдикция китайских властей⁷¹.

Новый приток русских в регион относится к концу XIX в. По Русско-китайскому Ливадийскому договору от 20 сентября 1879 г. о восстановлении власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом русскими войсками в 1871 г. русским подданным, владеющим недвижимостью в Илийском крае, предоставлялось право сохранить ее в своей собственности⁷². Российскому правительству предоставлялось право назначать консулов в Сучжеу, Кобдо, Улясутай, Хами, Турфан, Урумчи и Гучен. На эти города распространялись статьи 5 и 6 Пекинского договора 1860 г. относительно отвода участков для консульств, а также пастбищ⁷³. Кроме того, русским подданным в этих городах также разрешалось строить дома, лавки, амбары и т.д. Русские получали право беспошлинной торговли в Илийском, Тарбагатайском, Кашгарском, Урумчинском и других округах⁷⁴.

Новое активное переселение русских в Синьцзян продолжилось и в начале XX в. Эта волна поселенцев уже была представлена крестьянами, надеявшимися найти в китайском приграничье земельные угодья для развития своего хозяйства и налоговые послабления.

Процесс эмиграции русских крестьян в китайское приграничье Синьцзяна обсуждался в Российской Империи на государственном уровне. Так, в отчете губернатора Семипалатинской области о ее состоянии за 1912 г. отмечалось, что более двадцати русских семейств «пограничных крестьян ушло для аренды земель в ближайшие области соседнего иностранного государства, на реку Кран, о плодородии коих пошел среди них слух». Крестьяне арендовали участки земли у китайских киргиз, а также произвели запашки в долинах рек Бугуль, Белизек, Алкабек, Каба и Бурчум. При этом, китайские власти начали опасаться движения русских в провинцию и запретили им аренду земель у киргиз. Однако запрещение аренды не помешало русским крестьянам продолжить арендовать земли, пользуясь слабостью китайских властей в этих местах. В отчете обосновывалось мнение губернатора Семипалатинской области о политическом и государственном значении

⁶⁹ *Цутому Цукадо*. Участие в войнах русских старообрядцев в округе Алтай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) // Международные Заволокинские чтения Сб. 4. Рига, 2016. С. 521.

⁷⁰ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004. С. 60–61.

⁷¹ Этнические русские в Китае (исторический очерк) ... С. 16.

⁷² Русско-китайские договорно-правовые акты ... С. 447.

⁷³ Там же. С. 449.

⁷⁴ Там же. С. 450.

широкого арендования русскими крестьянами земель и необходимости «всяческого содействия Правительства в этом деле». Этот отчет был рассмотрен и одобрен императором⁷⁵. Однако российское правительство не поддержало идею освоения китайских земель, так как считало, что главной задачей является укрепление и колонизация русских пограничных районов⁷⁶.

Но русские крестьяне, проживая на российской стороне, продолжали осваивать китайские земли и к 1916 г. в Алтайском округе существовало уже девять русских поселков, где проживал 861 человек⁷⁷.

Следует отметить, что российские консульства в Синьцзяне весьма успешно обеспечивали правовую защиту российских подданных⁷⁸. Однако начало Первой мировой войны, последующее за этим восстание 1916 г. в Средней Азии, а также революционные события в России на некоторое время приостановили развитие русских поселений в Синьцзяне и торгово-экономических связей между Россией и Китаем в регионе.

Тем не менее, многие поселения, основанные в этот период русскими в Синьцзяне, просуществовали довольно длительное время – вплоть до 60-х гг. XX в.

Организации русской эмигрантской молодежи в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.)

*Смирнов С.В.*⁷⁹

Тяньцзинь, в сравнение с Харбином и Шанхаем, крупнейшими центрами русской эмиграции в Китае, относился скорее к разряду эмигрантской провинции. Численность русскоязычного населения Тяньцзина даже на ее максимальном пике в середине 1930-х гг. не превышала 3–4 тыс. человек; количество русских образовательных, церковных, благотворительных учреждений было невелико. В то же время по уровню интенсивности общественно-политической жизни эмиграции и размаху молодежного движения Тяньцзинь входил в тройку лидеров вместе с Харбином и Шанхаем.

До конца 1920-х гг. в Тяньцзине не было русских молодежных организаций. Часть русских детей, обучавшихся в иностранных школах, участвовали в работе иностранных скаутских организаций. Опасение эмигрантской общественности потерять для России молодое поколение, быстро «обыностранивавшееся» в интернациональной атмосфере крупных китайских городов, где существовали самоуправляющиеся иностранные концессии, подтолкнуло ее оказать поддержку организационному движению в молодежной среде. Основную роль здесь сыграли имевшие «николаевскую» ориентацию организации, стремившиеся объединить вокруг себя эмигрантскую колонию Тяньцзина.

В марте 1928 г. при покровительстве Союза служивших в Российских Армии и Флоте (ССРАФ), предоставившего для деятельности подростков свои помещения, был создан первый русский отряд скаутов. Эти связи между ССРАФ, вошедшем в дальнейшем в состав Дальневосточного отдела РОВС, и скаутами сохранялся вплоть до середины 1930-х гг. Главной задачей, которую ставили перед собой скауты, являлось воспитание молодых эмигрантов в любви к своей многострадальной родине, с верой в ее грядущее возрождение.

Возглавил Тяньцзинский отряд помощник скаутмастера (пскм) Петр Воецкий, ранее входивший в английский отряд Тяньцзинского района Бойскаутской Ассоциации Баден

⁷⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 333. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Л. 2.

⁷⁷ *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 294–295.

⁷⁸ *Сизова А.А.* Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1(13). С. 103–107. С. 104.

⁷⁹ **Смирнов Сергей Викторович**, д.и.н., доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (УрФУ), г. Екатеринбург. E-mail: s.v.smirnov@urfu.ru.

Пауэлла. Летом того же года с организацией стаи волчат была образована Тяньцзинская дружина Национальной организации русских скаутов (НОРС), руководителем которой стал скаутмастер (скм) Михаил Гинце, один из старейших питомцев 1-го Маньчжурского отряда скаутов. Решением Старшего Русского Скаута полковника О.И. Пантюхова в июне 1928 г. на базе скаутских отрядов Тяньцзина и Пекина был учрежден Северо-Китайский отдел НОРС, переименованный в 1929 г. после вхождения в его состав скаутских отрядов Шанхая, Циндао и Мукдена в Китайский отдел союза. Начальником отдела и представителем Старшего Русского Скаута вплоть до 1934 г. являлся скм подпоручик Г.В. Радецкий-Микулич, один из старейших русских скаутов на Дальнем Востоке, проживавший с 1929 г. в Шанхае. В 1934 г. начальником Китайского отдела был назначен возглавлявший с 1933 г. Тяньцзинскую дружину вместо выехавшего в Маньчжурию Гинце скм подполковник Н.М. Ядрышников (после учреждения в 1938 г. Северо-Китайского и Южно-Китайского отделов НОРС – глава Северо-Китайского отдела).

Пик активности Тяньцзинской дружины скаутов пришелся на середину 1930-х гг., когда в ее работу включились скм Александр Вязьмитинов и скм хорунжий Алексей Князев, ранее занимавшие видное место в руководстве Маньчжурского отдела НОРС. Вязьмитинов стал помощником Ядрышникова, а Князев возглавил Тяньцзинскую дружину. На 1937 г. в состав Тяньцзинских дружин скаутов и вожатых входили пять отрядов: старших скаутов (роверов), скаутов, волчат, вожатых (скауток) и птенчиков, общей численностью вместе с девятью руководителями в 160 человек. Сборы дружин проводились в помещении и гимнастическом зале общества «Русский Сокол».

В течение трех лет (1935–1937) осуществлялись летние лагеря на участке Русской Духовной миссии в Пейтайхо по личному разрешению владыки Виктора. Тяньцзинские отряды участвовали в международных скаутских джамборали (1935, 1936 и 1938 г.) и стали победителями 1938 года. Показателем зрелости организации, по воспоминаниям ее руководителей, стало проведение в мае 1936 г. дня св. Георгия Победоносца, Небесного Покровителя скаутов, на большом спортивном поле Тяньцзина Мин-юань в сопровождении собственного духового оркестра. Принимал парад старший друг скаутов генерал Г.А. Вержбицкий, начальник Тяньцзинского отделения Дальневосточного отдела РОВС.

Другой крупной молодежной организацией Русского Тяньцзина являлось созданное в мае 1930 г. гимнастическое общество «Русский сокол», выступавшее на правах Тяньцзинского отдела Союза русского сокольства. Соколы ставили перед собой задачу подготовки будущих борцов за национальные идеалы русского народа, а также физическое и духовное развитие молодого поколения. Одним из главных организаторов «Русского сокола» в Тяньцзине стал полковник Д.М. Михайлов, участник сокольского движения еще до Первой мировой войны. Старостой организации долгое время был полковник А.П. Бендерский, также являвшийся старшим другом скаутов. В конце 1930-х гг. видное место в руководстве общества заняли полковники Н.П. Коршунов и В.Ю. Сокольниковский, сотник В.М. Стефанеев.

Общество имело в своем составе спортивные кружки – плавания, настольного тенниса, гимнастики, шахмат, существовала своя футбольная команда. Численность Русского сокола в 1933 г. составила 176 братьев и сестер. В отличие от других объединений общество имело собственное здание с гимнастическим залом, построенное в 1935 г.

В 1934 г. занимавшиеся спортом молодые люди, не являвшиеся членами «Русского сокола», объединились в составе Русского спортивного общества. Общество имело свои футбольную, баскетбольную, волейбольную, хоккейную и теннисную команды, команды по гребле.

Начало японо-китайской войны летом 1937 г. и установление японского контроля над Северным Китаем привнесли серьезные изменения в жизнь эмигрантской колонии Тяньцзина. Административное управление эмигрантами сосредоточилось в рамках Антикоммунистического комитета (АК), руководимого прояпонскими активистами во главе с есаулом Е.Н. Пастухиным. В 1938 г. Антикоммунистический комитет Тяньцзина был объявлен японскими властями центральным (ЦАК), в подчинение которого отошли комитеты в Пекине, Циндао, Калгане, Чифу.

После создания Антикоммунистического комитета в Тяньцзине деятельность всех молодежных объединений оказалась под его контролем, было введено военное обучение. По приказу начальника АК все молодежные организации должны были направлять своих членов в возрасте от 17 лет для прохождения общего военного курса в Первую роту Антикоммунистического Волонтерского отряда. Для членов вновь образовавшейся организации казачат в составе Волонтерского отряда стала формироваться Первая казачья сотня. Молодые люди очень неохотно отзывались на вводимую «обязаловку», в связи с чем военный отдел ЦАК обратился к руководству комитета с предложением создать дисциплинарный взвод для исправления молодых людей, нарушающих дисциплину.

В конце 1930-х гг. в Тяньцзине наряду со старыми молодежными объединениями появляются новые: под руководством Тяньцзинского отдела Дальневосточного союза казаков оформляется организация казачат, действует отдел Российского фашистского союза. В 1939 г. прибывшие из Харбина члены Союза мушкетеров начинают работу по созданию Тяньцзинь-Пекинского района 3-го (Шанхайского) отдела союза. Район был окончательно сформирован в конце 1940 г., но будучи очень малочисленным вскоре прекратил свое существование.

Для консолидации молодежного движения ЦАК обращается к харбинской практике организации совместных летних лагерей для молодежи из разных объединений. Летом 1938 г. был проведен летний лагерь, в работе которого участвовали скауты, «соколы» и казачата. Практика оказалась не очень удачной и в дальнейшем не возобновлялась.

Жесткий административный контроль и стремление во что бы то ни стало создать видимость эмигрантского единства привели к сокращению членов молодежных организаций. В конце 1942 г. прекратила свою деятельность дружина скаутов, еще раньше исчезли организации мушкетеров и казачат. Русское молодежное движение в Тяньцзине практически исчезло.

Сотрудники российского генерального консульства в Тяньцзине в эмиграции: люди и судьбы

Нестерова Е.И.⁸⁰

Далеко не всем людям, вынужденным прожить значительную часть своей жизни вдали от родины, в эмиграции, пришлось принимать решение об отъезде, некоторых судьбоносные события застали за границей, поставив перед ними вопрос о возвращении. В первую очередь это касалось дипломатических и консульских работников. В настоящем докладе делается попытка реконструировать судьбы работников генерального консульства в Тяньцзине, уточнить и дополнить имеющуюся в научном обороте информацию.

В 1916 г., накануне революции, положившей конец существованию Российской империи, в штате российского генерального консульства в Тяньцзине состояло два сотрудника – должность генерального консула занимал Петр Генрихович Тидеман, секретарем был Константин Викторович Успенский. В том же году К.В. Успенский уступил должность секретаря Афиногену Афанасьевичу Соколову.

Ни тот, ни другой, ни третий в Россию больше не вернулись: К.В. Успенский остался в Китае, П.Г. Тидеман прожив более 20 лет в Китае, затем уехал к сыну в Канаду, следы А.А. Соколова теряются в конце 20-х годов, но до этого времени он жил в Тяньцзине.

П.Г. Тидеман родился 14 октября 1872 г. в Казани, в дворянской семье. Его отец, Генрих Оттович (1839 –1889) происходил из немецкой лютеранской семьи, а мать – Татьяна Петровна (урожд. Савельева) была православной, дочерью доктора⁸¹. В этом браке родилось четыре ребенка: Екатерина (1868), Анна (1870), Петр (1873), Максимилиан

⁸⁰ **Нестерова Елена Ивановна**, к.и.н., доцент кафедры истории и теории культуры РГГУ, г. Москва. E-mail: blb1@mail.ru.

⁸¹ *Berdnikov A.A. Russian Diplomat in China: The Papers of Petr Genrikhovich Tiedemann at McGill // Fontanus. 1995, № 8. P. 147.*

(1875–1917). После смерти Татьяны Петровны в 1877 г. Г.О. Тидеман женился еще раз – на Эмме Вильгельмине Фёдоровне. Во втором браке родилось еще трое детей⁸². Все мальчики получили хорошее образование и те, кому была отпущена относительно долгая жизнь, сделали карьеру в разных сферах. Петр закончил классическую гимназию в Санкт-Петербурге, а затем Восточный факультет Санкт-Петербургского университета (1894). В 1895 г. он поступил на службу в МИД, а в 1896–1898 гг. в качестве студента командирован в миссию в Пекине. В его послужном списке работа в консульствах в Фучжоу (1898–1899), Чифу (1902–1905), Мукдене (1906–1907), Гонконге (1908–1910), Нючжуане (1911–1913), служба при Е.А. Алексееве в Порт-Артуре (1900–1901), выполнение обязанностей чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе (Хабаровск, 1906–1908). Где бы он не работал, начальство высоко ценило его деловые и личные качества. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, телеграфируя в МИД о своем согласии отпустить Тидемана в Гонконг, сообщает: «искренне сожалею, теряя в нем отличного способного чиновника»⁸³. Одновременно он просит при подборе кандидата «оказать зависящее содействие к назначению на должность дипломатического чиновника лица с должностной подготовкой и соответственных личных качеств, каковым обладал надворный советник Тидеман»⁸⁴.

В 1902 г. П.Г. Тидеман женился на Аделаиде Михайловне Скрыбиной (? –1925). В воспоминаниях К. Кепинг утверждается, что А.М. Скрыбина была сестрой В.М. Молотова. Однако, находки архивных документов, хранящихся в Канаде, доказывают, что она была дочерью статского советника М.Д. Скрыбина, вице-губернатора Люблинской губернии (1905–1907). В браке родилось трое детей – Татьяна (1903), Анна (1905), Дмитрий (1906). В 1908 г. у А.М. Тидеман врачи обнаружили туберкулез, после чего места новых назначений приходилось рассматривать, учитывая это обстоятельство. В телеграмме от 7 февраля 1908 г. Тидеман пишет: «У жены констатировали туберкулез легких; пребывание в Хабаровске признано губительным, единственное спасение – пребывание в благоприятном для легких климате». В связи с этим он умоляет ходатайствовать о переводе⁸⁵. В начале 1908 г. «из-за серьезных семейных и материальных причин» он отказывается от командировки в Гонконг, однако весной 1908 г. ввиду отсутствия вариантов, он все же туда отправляется⁸⁶.

В 1914 г. он получает назначение на консульскую должность в Тяньцзине, а с 1915 г. по 1920 г. П.Г. Тидеман является генеральным консулом. В общей сложности в Тяньцзине он проведет 20 лет, занимая с 1921 по 1934 гг. пост муниципального консула русской концессии в Тяньцзине. На это время придется много трагических событий – смерть жены, смерть от скарлатины восемнадцатилетней дочери Татьяны, закрытие генерального консульства, спуск российского флага. Последние события произошли 25 сентября 1920 г. П.В. Вологодский вспоминал: «К 12 час[ам] к зданию русского муниципалитета собралось порядочно народу, в том числе немало русских. В 12 час[ов] 8 мин[ут] подъехал к зданию муниципалитета автомобиль с китайскими чиновниками, во главе с китайским генералом, который, по рассказам в толпе, окружившей здание, и есть тот чиновник, который назначен руководить делами русской концессии. Во 2-м часу дня только русский флаг был заменен китайским. Настоящие русские граждане стояли с опущенными головами или горько улыбались русскому позору»⁸⁷.

П.Г. Тидеман принимал активное участие в жизни русской общины Тяньцзиня и в бытность генеральным консулом, и после того, как этот статус был аннулирован. В 1920 г., он, как и А.А. Соколов, входил в правление Русского благотворительного общества;

⁸² *Berdnikov A.A.* Op. cit.; *Кислов В.* Страницка гатчинского краеведа. Максимилиан Тидеман. 2016. URL: <http://kraeved-gatchina.de/ocherki/vydayushchiesya-zhiteli/tideman-maksimillian-2/>.

⁸³ АВПРИ. Фонд 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 49. Л. 4.

⁸⁴ АВПРИ. Фонд 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1925. Л. 15 об.

⁸⁵ АВПРИ. Фонд 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1925. Л. 12.

⁸⁶ АВПРИ. Фонд 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1925. Л. 13, 15.

⁸⁷ *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае 1918–1925 гг. Рязань: [б. и.], 2006. С. 286.

принимал участие в работе различных комиссий, созданных в 1920 г. для защиты прав русских эмигрантов⁸⁸. Именно он составил первый справочник по Тяньцзиню – «Тяньцзинь: Торгово-промышленно-деловой справочник и указатель», отпечатанный в 1921 г. в типографии Русской духовной миссии в Пекине.

В 1934 г. П.Г. Тидеман получил разрешение британских властей на временное проживание в Англии, после чего занял пост муниципального консула британской концессии в Ханькоу. Однако, в 1937 г. он покинул Китай и отправился к сыну Дмитрию в Монреаль, где и прожил до 25 июня 1941 г.⁸⁹. Современники отмечали его прекрасное знание китайского разговорного и литературного языка. Он был автором работ, анализирующих промышленное развитие Китая. Контр-адмирал Д.В. Никитин (Фокагитов) в воспоминаниях писал: «Чудную память оставил по себе Петр Генрихович. Добрый, отзывчивый, тактичный, он навсегда будет жить в сердцах тех, кто его знал»⁹⁰.

К.В. Успенский родился в 1881 г. семье дипломата, всю жизнь прослужившего в Китае. Его отец, Виктор Матвеевич Успенский, приехал в Китай в 1872 г. в качестве студента Русской миссии. Позже занимал должности секретаря консульства в Урге (1879–1884), консула в Кульдже (1885–1896) и генерального консула в Турфане (1897–1901)⁹¹.

Один из его сыновей Яков Викторович, родившийся в Урге в 1883 г., стал известным математиком, эмигрировавшим в 1929 г. из СССР в США, а старший – Константин (1881) пошел по стопам отца. Окончив Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, он стажировался в Пекине, служил драгоманом в Кульдже, а затем был назначен на должность секретаря в Российском генеральном консульстве в Тяньцзине (1913–1916). К сожалению, на какое-то время след его теряется, но известно, что в начале 20-х гг. он жил в Харбине. Одно время служил на КВЖД, занимался переводами с китайского языка документов по китайской юриспруденции, преподавал на Юридическом факультете и в средних учебных заведениях. Умер в Харбине в 1940 г.⁹²

Пока удалось найти немного информации о последнем секретаре тяньцзинского генконсульства – *А.А. Соколове*. Известно, что в 1911–1912 гг. он был стажером миссии в Пекине, затем драгоманом консульства в Кульдже (1913–1915) и генконсульства в Харбине (1916), секретарем генконсульства в Тяньцзине (1916–1920), а затем советником по русским делам при китайском комиссаре по иностранным делам.

**Русские юристы – эмигранты и первая кодификация гражданского законодательства Китая в первой половине XX в.
(к годовичному решению III сессии Всекитайского собрания народных представителей КНР XIII созыва и утверждению Гражданского кодекса 28 мая 2020 г.)**

*Дудин П.Н., Хусаинов З.Ф.*⁹³

Принятый в мае 2020 г. Гражданский кодекс КНР ознаменовал собой новую веху в истории права этой страны и был воспринят позитивно как китайскими, так и зарубежными экспертами. Вместе с тем, это не первая, а вторая успешная кодификация гражданского

⁸⁸ Вологодский П.В. Указ. соч. С. 310.

⁸⁹ *Berdnikov A.A.* Op. cit. P. 148.

⁹⁰ Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 78.

⁹¹ *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ, ЗАО НПП «Ермак», 2003. С. 555. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/serebrennikov_ii2/09.html#555.

⁹² *Хисамутдинов А.А.* Русские ученые, краеведы и востоковеды в Китае: Материалы к иллюстрированным биографиям. Владивосток: ДВФУ, 2018. С. 180.

⁹³ **Дудин Павел Николаевич**, к.п.н., директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ. E-mail: dudin2pavel@gmail.com.

Хусаинов Зуфар Фаатович, д.ю.н., профессор кафедры конституционного и административного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань. E-mail: husainovzufar@mail.ru.

права этой страны, что свидетельствует не только об опыте, но и достаточной воле в отношении этого громоздкого, сложного, но чрезвычайно важного процесса в жизни любого современного государства и общества. Для отечественной науки понимание особенностей содержания принятого Гражданского кодекса КНР невозможно без изучения опыта кодификации гражданского законодательства в первой половине XX века и той роли, которую наши соотечественники – эмигранты из числа лучших юристов распавшейся Российской империи, сыграли в сохранении и распространении этих знаний.

Наиболее яркой фигурой в китаеведной юридической науке этого периода является третий декан Юридического факультета в г. Харбине В.А. Рязановский, ученый без преувеличения с мировым именем, наиболее полно и достоверно изучавший историю и современное ему состояние китайского гражданского права. Его публикации в авторитетных научных изданиях г. Харбина, таких как Вестник Маньчжурии, или в качестве полноформатных монографий, содержат не только описание состояния законодательства, но дают глубинные пояснения о природе тех или иных институтов, включая и прогноз развития законодательства, однако ограничиваясь по времени серединой 1930-х гг., поскольку после продажи КВЖД В.А. Рязановский эмигрировал в США и больше вопросов китайского права не касался.

Напротив, его заместитель, другой выдающийся ученый-юрист Г.К. Гинс, задержался в г. Харбине до начала 1940-х гг. и не только сам изучал гражданское право Китая, но и всячески популяризировал эту деятельность путем издания в 1931 г. уникального трехтомника, «Вестника китайского права», единственного на русском языке источника основной части нормативных правовых актов периода т.н. «Нанкинского десятилетия», переведенных на русский язык.

Среди авторов сборников – как наши соотечественники, напр. выпускник Юрфака в г. Харбине, оставленный в качестве преподавателя Н.И. Прищепенко, так и переводчики со стороны китайских граждан, в работах которых дается обзор и анализ не только состояния общенационального законодательства, но и его преломление для территорий с особым правовым статусом.

Поскольку, в отличие от японской и корейской правовой традиции, торговое право в Китае всегда выступало в качестве подотрасли гражданского права, харбинские ученые уделяли этому вопросу должное внимание.

Схожая ситуация наблюдалась и в отношении семейного права, состояние которого также находило отражение среди ученых периода республики.

Отдельные наиболее распространенные с точки зрения их присутствия в общественных отношениях исследуемого периода институты гражданского права также находили отражение на страницах научной литературы.

И наконец, состояние гражданского права в отделившейся от Китая Маньчжурии и образованном в ее пределах государстве Маньчжоу-Го, также не оставлено без внимания профессорами Юрфака г. Харбина.

Источниковая база также представляет для докладчиков немалый интерес и включает несколько групп нормативных правовых актов и их проектов в области гражданского права Китая.

Во-первых, это цинское законодательство, объединенное в кодифицированном акте Да-Цин-люй-ли, являющемся источником и гражданского права даже после провозглашения республики, и до принятия Гражданского кодекса в 1929–1931 гг.

Во-вторых, это практика Верховного суда Китайской республики в 1912–1918 гг., систематизированная, выступавшая одним из источников гражданского права до принятия Гражданского кодекса в 1929–1931 гг.

В-третьих, это проекты кодифицированных актов в области гражданских правоотношений, на русском языке представленные под редакцией В.А. Рязановского.

В-четвертых, это сам Гражданский кодекс, переведенный последовательно после принятия его на английский и русский языки.

В-пятых, это проект с комментариями Гражданского кодекса Японии 1868 г. по образцу Гражданского кодекса Франции и Гражданский кодекс Японии 1898 г. по образцу

Гражданского уложения Германии, работа докладчиков с которыми обусловлена взаимовлиянием китайского и японского модернизированного гражданского права друг на друга и право Маньчжоу-Го.

В-шестых, это переведенное законодательство в отношении отдельных институтов китайского гражданского права.

В-седьмых, полный текст маньчжурского законодательства «Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке» в 10 томах, в каждом из которых содержались нормативные правовые акты в области гражданских правоотношений.

В-восьмых, значимость для подобного рода исследований представляет объемное энциклопедическое издание «Кто есть кто в Китае» 1920–1930-х гг., в котором, помимо военных и политических деятелей, присутствует плеяда выдающихся китайских юристов – ученых и практиков (председателей и членов Верховного суда, прокуроров, министров юстиции и др.), с которыми работали преподаватели Юридического факультета г. Харбин и которые сыграли важнейшую роль в модернизации как правовой системы Китая, так и гражданского права этой страны.

В целом можно смело констатировать, что именно наши соотечественники – юристы, преподаватели Юридического факультета г. Харбина, сохранили для современников наиболее полные и достоверные знания об одном из знаковых этапов в истории Китая и китайского права, которые нуждаются сегодня в изучении и распространении.

Японские военнопленные в Магадане в 1945–1949 гг.: из прошлого в настоящее

Дорофеева Н.А.⁹⁴

Русские эмигранты, оказавшиеся на территории северного Китая в Маньчжурии в 30-е годы XX века, оказались под гнетом японской оккупации с 1932 года. Захват территории совершила Квантунская военная группировка Японии, сформированная в 1919 году на Ляодунском (Квантунском) полуострове с целью подготовки агрессии против Китая, СССР и Монголии.

В Великой Отечественной войне Япония выступила на стороне фашистской Германии, но даже после немецкой капитуляции Квантунская армия спешно пополняла свой состав и готовилась к военным действиям в районе маньчжуро-советской границы. Советские войска выступили против Квантунской армии 9 августа 1945 года. За 23 дня боевых действий Квантунская армия и японские войска были разбиты и 594 тысячи офицеров и солдат попали в плен, из них 4 тысячи прибыли в магаданский порт.

Японские военнопленные в Магадане использовались как рабочая сила для проведения различных работ, в том числе: строительство жилых зданий, работы в магаданском морском порту, прокладка новых дорог, работа в леспромпхозе.

В 1990–92 гг. в городе Магадане, центре золотоносного Колымского края, произошли необычные события. Некоторым бывшим военнопленным удалось осуществить свое желание вновь увидеть Магадан. Организатором поездки стал Ютака Сакаи, которому на тот момент исполнилось 66 лет. В годы плена он участвовал в строительстве жилых домов главной улицы Магадана. Ютака показал места захоронений своих сотоварищей по плену на старом магаданском кладбище на ул. Потапова. Возник вопрос о перезахоронении останков по японскому обычаю.

Буквально через несколько месяцев, в августе 1991 года, произошло событие, которое ускорило ведение переговоров о перезахоронении: во время проведения земляных работ на территории магаданского «Спецавтохозяйства» были обнаружены захоронения, как выяснили патологоанатомы, представителей монголоидной расы, точнее – японцев.

⁹⁴ **Дорофеева Наталья Адольфовна**, инженер-химик, независимый исследователь, г. Москва. E-mail: donata@list.ru.

Дополнительно найденные захоронения на территории «САХ» укрепили совместное русско-японское намерение провести перезахоронение останков по японскому обычаю.

Именно в это время, а точнее 18.04.1991 года, вступило в силу Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Японии о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных. А сам Ютака Сакаи возглавлял «Всеяпонский совет содействия возвращению душ погибших героев, вынужденных военнопленных в СССР». Началась процедура по согласованию перезахоронения. Символическое перенесение душ погибших японцев на родину состоялось в июне 1992 с участием правительственной делегации во главе с министром здравоохранения Японии.

В течение этих лет, включая 1993 год, Ютака Сакаи приезжал в Магадан не один раз и немало способствовал установлению дружеских отношений между Магаданом и Японией. При этом автор статьи был лично знаком с Ютакой Сакаи и вовлечен им в различные мероприятия, часть из которых нашла отражение в статье.

Дружеские русско-японские взаимоотношения, возникшие в Магадане в начале 90-х годов, привели к расширению культурных, научно-педагогических и технических связей и образованию Общества «Магаданская область и Япония» (ОМОЯ). В марте 2003 года Магадан посетил вице-консул генерального консульства Японии во Владивостоке господин Наоки Томиока. С 2001 года в Магадан приезжает японская певица Миоки Исибаси с концертами. В ее репертуаре, кроме японских и русских народных песен, появились романсы Вадима Козина, известного исполнителя и автора романсов, прожившего в Магадане почти полвека. В 2010 году во время дружественных визитов делегаций Магаданской области и Японии обсуждались проекты делового сотрудничества и культурные контакты, возможные совместные инвестиционные соглашения об использовании минерально-сырьевой базы Колымы.

В магаданском парке отдыха в 2019 году обновлена японская беседка с уголком отдыха в японском стиле.

Но на месте бывших японских захоронений не осталось даже табличек с иероглифами. К сожалению. В сохранении памяти и уходе за захоронениями погибших иностранцев в нашей стране Россия значительно отстает от Японии. И даже большинство могил русских первопроходцев Колымы оказались без знаков внимания ушедшим от потомков и просто исчезли с поверхности земли. Для дальнейшего восстановления дружественных связей между Магаданской областью как части России и Японией есть еще обширное поле деятельности.

Открытие Интернет-музея «Россия-Япония» – важная веха на пути исследования русскоязычной общины в Японии

Кириченко М.А.⁹⁵

1 апреля 2021 года в результате огромного труда группы японских и российских энтузиастов во главе с Президентом Общества «Россия – Япония» И.В. Романенко и Ответственным секретарем японского оргкомитета ежегодного Фестиваля российской культуры в Японии Нагацука Хидэо открылся Интернет-музей «Россия в Японии» (<https://www.yaponiya-russia.net/>). Экспонатами виртуального музея являются памятные исторические места Японии, связанные с историей российско-японских отношений, большая часть которых сопряжена с деятельностью российской общины в Японии. Открытие данного проекта приурочено к 165–летней годовщине установления межгосударственных отношений между Японией и Россией и 300-летию первых контактов между русскими и японцами. Географически экспонаты музея охватывают всю территорию Японии от Хоккайдо до Окинавы. По просьбе японской стороны директором Интернет-музея

⁹⁵ **Кириченко Мария Алексеевна**, старший преподаватель по японскому языку в Дипломатической школе МИД РФ. E-mail: ai.sova@gmail.com.

«Россия в Японии» стал Игорь Владимирович Романенко. В настоящее время музей знакомит со 131 местом в Японии, которые так или иначе связаны с деятельностью россиян в политике, экономике, культуре, спорте, медицине и других областях жизни Японии. Планируется пополнение виртуальных экспонатов в области музыки, балета и театрального искусства.

Роль Русской Православной Церкви в ЮВА и влияние на русскую диаспору в регионе

Рубан Л.С., Ананьин М.А.⁹⁶

Как отмечают российские исследователи-религиоведы, распространение православия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона способствует установлению и развитию дружественных отношений и диалогу между странами и народами. Основным «двигателем» данного процесса стал туризм русскоязычных граждан бывшего СССР в страны региона.

Приход православия в страны ЮВА тесно связан с русскоязычной общиной, зависит от численности и готовности членов участвовать в её жизнедеятельности. Первоначально центром распространения русского православия был Таиланд, вслед за ростом русскоговорящих общин, приходы были открыты в Сингапуре, Камбодже, Лаосе, Малайзии и Филиппинах (единственной стране Юго-Восточной Азии, принявшей христианство). Надо отметить, что в первую очередь, приходы формируются в столицах, где они могут опираться на сотрудников посольств и членов семей сотрудников, а также русскоязычных граждан, работающих в местных и международных компаниях.

Самый результативный опыт миссионерской деятельности – это подготовка священнослужителей из числа местных жителей. Авторитет священника из местных, ведущего активную деятельность среди своего народа, всегда значительно выше, чем у иностранца, и его деятельность приносит более высокий результат. Именно с этой целью в Таиланде была открыта духовная семинария, где обучаются не только тайцы, но и представители других национальностей.

Как отмечают эксперты, если говорить о русскоязычных диаспорах в странах Юго-Восточной Азии, то они не велики и объединены главным образом страной исхода и русским языком, а социальное общение на родном языке они в значительной степени могут осуществлять в православных приходах церкви (РПЦ МП), что делает православие одной из возможностей консолидации части русскоязычной диаспоры в ЮВА.

На другой стороне: русские в Южном Вьетнаме, 1960-е – начало 1970-х гг.

Соколов А.А.⁹⁷

В первой половине XX века во Вьетнаме, который тогда был французской колонией и назывался Индокитай, сформировалась небольшая русская колония. Она состояла, в основном, из бывших граждан Российской империи, приехавших сюда из Франции и Китая.

⁹⁶ **Рубан Лариса Семеновна**, д.соц.н., профессор, зав. Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва. E-mail: lruban@yandex.ru.

Ананьин Максим Алексеевич, первый секретарь Первого Департамента СНГ МИД РФ, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва. E-mail: ananjin@mail.ru.

⁹⁷ **Соколов Анатолий Алексеевич**, к.филол.н., старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: ansokolov@mail.ru.

Большинство из них работали в различных французских государственных организациях и частных компаниях.

После окончания Первой Индокитайской войны (1946–1954) Франция завершила своё колониальное присутствие во Вьетнаме, практически все живущие здесь русские уехали в метрополию или в другие страны.

После подписания Женевских соглашений в июле 1954 г. страна оказалась разделенной на две части – коммунистический Северный Вьетнам и проамерикански ориентированный Южный Вьетнам. Позднее между ними начинается продлившееся два десятилетия политическое и вооруженное противостояние. В этом конфликте, который приобрел международный характер, активно участвовали США и их союзники. В составе прибывших в Южный Вьетнам вооруженных сил США и Австралии были и потомки русских эмигрантов. Они принимали непосредственное участие в военных операциях против партизан и гражданского населения. Среди раненых и погибших американских и австралийских военнослужащих были и этнические русские. На плитах Мемориала вьетнамской войны (Вашингтон) есть русские фамилии и имена. Об участии русских эмигрантов в войне во Вьетнаме снят известный фильм «Охотник на оленей».

Среди бывших советских граждан, оказавшихся вовлеченными в события Второй Индокитайской войны, в первую очередь следует персонально назвать **Вольфа Исааковича Ладежинского** (1899–1975). Он родился на Украине в зажиточной семье, в 1920 г. переехал в Румынию, а в 1922-м – эмигрировал в США. В 1934 г. окончил Колумбийский университет по специальности «экономика сельского хозяйства». Участвовал в разработке закона о земельной реформе в Японии, в подготовке и проведении аграрной реформы на Тайване. В 1955–1961 гг. был советником по земельной реформе и программе обустройства беженцев при президенте Нго Динь Зиеме в Южном Вьетнаме. По результатам его работы в октябре 1956 г. местные власти приняли Постановление 57⁹⁸, в котором были воплощены все принципы, характерные для подготовленных Ладежинским реформ: подробный расчёт нормы для крестьянского земельного надела применительно к реалиям страны; калькуляция и балансировка цены и условий выкупа земли в собственность, посылная для крестьян и не слишком заниженная для помещиков; тщательная проработка структуры комитетов по реформе на уровне провинций и муниципалитетов. Однако реализация такой программы не была столь успешной, как в Японии или на Тайване, прежде всего из-за противодействия крупных французских землевладельцев, растянувших передачу земли на четыре года.

Следующие два персонажа – советские офицеры-перебежчики. **Николай Петрович Хохлов** (1922–2007) во время Великой Отечественной войны служил в различных разведывательных формированиях, а после войны – во внешней разведке. Находясь на службе в Германии, в 1954 г. принял решение не возвращаться в Советский Союз и остался на Западе. В 1959-м поехал во Южный Вьетнам советником президента Нго Динь Зиема, который поручил ему, как специалисту по диверсионной тактике коммунистических партизан, разработать план необходимых мер для защиты от столкновения с Северным Вьетнамом. Хохлов предложил внедрять капиталистических партизан в Северный Вьетнам. Этот план показался американцам слишком провокационным, и президенту Южного Вьетнама настоятельно посоветовали от него отказаться.

Григорий Петрович Климов (Калмыков) (1918–2007) получил известность как русско-американский писатель и журналист, автор книг конспирологического содержания («Имя мое легион» и др.).

В 1945 г. после окончания Военного института иностранных языков в Москве был направлен для прохождения службы переводчиком немецкого языка в звании младшего лейтенанта в Берлин, в Советскую военную администрацию. В 1947 году, получив приказ вернуться в Москву, бежал в Западную Германию.

⁹⁸ *Ladejinsky, Wolf. Agrarian Reform as Unfinished Business: The Selected Papers of Wolf Ladejinsky* (L.J. Walinsky, Ed.). London: Oxford University Press for the World Bank, 1977. P. 216.

С 1958 по 1970 г. находился в Южном Вьетнаме, работал инженером-электриком, участвовал в строительстве военного аэродрома.

Леон Гурэ (1922–2007) – известный американский политолог, родился в Москве в 1922 г. в семье революционеров-меньшевиков, которая спустя год эмигрировала в Берлин. Когда к власти в Германии пришли нацисты, семья Гурэ перебралась в Париж, а в 1940 г. – в США, после войны получил степень доктора политических наук и был приглашен аналитиком в RAND Corporation. Его исследования, проведенные в этом научном центре, оказали большое влияние на политику США в 1960-х и 1970-х гг. Он консультировал президента Линдона Джонсона по вопросам войны во Вьетнаме.

В августе 1964 г. Гурэ приехал во Вьетнам и месяц спустя сообщил командованию ВВС США, что исследование «Мотивации и мораль Вьетконга», проведенное его коллегами из RAND, носит необоснованно пораженческий характер.

Теория Гурэ о том, что Вьетконг является частью глобального коммунистического фронта, считается классическим примером искажения научного метода ради достижения нужных целей, он фактически обеспечил «экспертное» обоснование для убийства многих тысяч вьетнамцев.

В последующие два года он призывал снять ограничения на использование авиации: поскольку его «исследование» показало, что противник боится самолетов больше любого другого оружия, то следует максимально использовать авиацию. Более того, согласно его логике, интенсивные бомбардировки могли вынудить жителей недружественных деревень покинуть контролируемые Вьетконгом зоны и переселиться в районы, подконтрольные правительству и американцам, где «есть возможность наладить эффективный отсев и надзор»⁹⁹.

Многие коллеги Гурэ были не согласны с ним и считали его логику «откровенно бесчеловечной и даже граничившей с безумием»¹⁰⁰.

Русские на Филиппинах: история присутствия и современность

***Панарина Д.С.**¹⁰¹*

Начало XX века обернулось для России трудными временами: русско-японская война 1904–1905 гг., Октябрьская революция 1905 г., Первая мировая война, Революция 1917 г. и последующая Гражданская война начала 20-х гг. И, как одно из неизбежных следствий последних двух событий в жизни страны – массовая миграция русского «белого» населения в другие страны мира, в том числе в Китай, США, страны Европы, Австралию и многие-многие другие. Некоторые страны миграции становились для русских граждан вторым домом, новой «родиной». Они оставались там навсегда, там же рождались и росли их дети и внуки, и сейчас в таких странах присутствует постоянная – в большей или в меньшей степени многочисленная – российская диаспора. Однако были и другие страны, которые становились для русских мигрантов временным прибежищем, перевалочным пунктом на пути дальнейшей миграции. И одной из таких стран в регионе Юго-Восточной Азии стали именно Филиппины.

История российского присутствия на Филиппинах исчерпывается несколькими историческими эпизодами временного пребывания русских в этой стране, и говорить о сформировавшейся российской диаспоре на Филиппинах не приходится – ее нет до сих пор. Тем не менее, российско-филиппинские отношения всегда были самыми мирными, а филиппинцы без сомнений признаются одним из самых дружелюбных народов, открытых для помощи и общения. Поэтому, по мнению автора, стоит отдельно упомянуть, пусть и

⁹⁹ Хейстингс, Макс. Вьетнам: история трагедии, 1945-1975. Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 361.

¹⁰⁰ Хейстингс, Макс. Указ соч.

¹⁰¹ **Панарина Дарья Сергеевна**, к.культ.н., старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: daria2002panarina@gmail.com.

вкратце, о тех двух периодах в истории российской миграции, которые были связаны с Филиппинами.

Первый пришелся на 1923 г., когда из России в конце Гражданской войны между «красными» и «белыми» бежали остатки последних. Волею судеб порядка 800 человек русских оказались в результате на Филиппинах, откуда 526 беженцев отправились дальше в Сан-Франциско, США, а оставшиеся или переехали в Австралии или остались, собственно, на Филиппинах. В то же время около 250 человек из русских беженцев переехали на южный остров Филиппин Минданао, где работали на плантациях абаки¹⁰².

Второе появление русских на Филиппинах пришлось на послевоенное время 1948–1949 гг., когда представителям и потомкам «белой эмиграции» в Китае пришлось бежать из страны в связи со сменой власти на коммунистическую, и значит, – дружественную СССР. В этот раз эвакуация на Филиппины была организованной, число прибывших на маленький остров Тубабао составляло по разным данным от 5 500¹⁰³ до 6 000¹⁰⁴ человек, и присутствие русских беженцев на Филиппинах затянулось на целых 4 года. За это время они успели полностью организовать полноценное сообщество со своим внутренним управлением, социальной и культурной жизнью, религией. И хотя в конечном итоге практически все 6 000 человек разъехались по другим странам, где и осели впоследствии, память об этом эпизоде осталась в сердцах местных жителей и этот короткий период пребывания русских на Тубабао до сих пор не забыт¹⁰⁵.

Наконец, вызывает интерес и наше время, когда Филиппины стали привлекать внимание русских граждан и как направление экзотичного туризма, и как страна возможной эмиграции. Несмотря на то, что нельзя говорить о наличии российской диаспоры на Филиппинах, там все-таки присутствует некоторое количество наших граждан, которые едут туда как туристы, на учебу, строить бизнес или в поисках лучшей жизни. Российские экспаты на Филиппинах малочисленны (а точное их количество назвать затруднительно), но это истории конкретных, отдельно взятых людей, истории их переезда, жизни на Филиппинах, их впечатлений от страны, которая в чем-то схожа с Россией, но очень во многом – совершенно иная. Автору думается, что эти истории также достойны изучения и могут стать хорошим иллюстративным материалом для описания взаимодействия двух различных народов – русских и филиппинцев как в прошлом, так и в современном мире.

Динамика отношения российской диаспоры в Австралии к исторической родине

*Скоробогатых Н.С.*¹⁰⁶

Отношение к России в среде российской диаспоры в Австралии в исторической перспективе было неоднозначным. Перемены в настроениях четко совпадали с волнами эмиграции – исследователи выделяют от четырех до пяти таких волн, четко определяя хронологические рамки каждой. Особенно явно прослеживаются: первая – 1880–1920 гг.; вторая – 1920–1945 гг., третья – вторая половина 1940-х – 1980 гг.; четвертая – с конца 1980-х по настоящее время.

¹⁰² Laurice Peñamante. Nine Waves of Refugees in the Philippines / UNHCR. June 7, 2017. URL: <https://www.unhcr.org/ph/11886-9wavesrefugees.html>.

¹⁰³ The White Russians of Tubabao. URL: <https://www.lonelyplanet.com/philippines/guiuan/background/other-features/a2eaf33d-8e88-4e0d-8eb9-d76f63deb904/a/nar/a2eaf33d-8e88-4e0d-8eb9-d76f63deb904/1318505>.

¹⁰⁴ Хисамутдинов А.А. Русские на Филиппинах. Монография. Владивосток: ДВФУ, 2015. С. 20. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/bitstream/10524/48734/%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D1%8B.pdf>.

¹⁰⁵ When the Philippines Welcomed Russian Refugees / Православие. 08.07.2015. URL: <https://pravoslavie.ru/80526.html>.

¹⁰⁶ Скоробогатых Наталья Сергеевна, к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: arhip2212@yandex.ru.

На рубеже XIX–XX вв. поток мигрантов из Российской империи в Австралию делился на две большие ветви: люди, которые приезжали сюда по экономическим и социальным причинам, и политическая иммиграция. Первая являла собой преимущественно так называемую инородческую эмиграцию из юго-западных и прибалтийских областей России, за которыми последовали крестьяне и политические беженцы после революции 1905–1907 гг. и столыпинской реформы. Значительная часть этих переселенцев оказалась лояльна своему новому пристанищу. Вторая ветвь была гораздо заметнее в связи с тем, что революционеры из социал-демократического лагеря не ограничивались рутинной работой в хозяйственных секторах страны, а вели активную пропагандистскую деятельность, усилившуюся после Октябрьской революции. Начиная с 1917 г. местные власти предпринимали меры по прекращению таких подрывных действий, и лица, разделявшие революционные взгляды, покинули Австралийский Союз (АС), вернувшись в страну Советов.

Второй период – с 1920 по 1945 гг. – тесно связан с крушением Белой гвардии в Сибири: исход из страны после ВОСР приобрел массовый характер. Большая часть осевших в АС россиян были беженцами от советской власти, их чувства к покинутой Родине представляли смесь ностальгии («Замело тебя снегом, Россия») и категорического неприятия большевиков и их режима; вместе с тем и теплились надежды на скорое крушение советского строя и возвращение домой. Отсюда усиленное внимание к сохранению языка, веры и традиций: строительство православных храмов, русских школ, организаций, клубов. Находились и те, кто с большой симпатией следил за происходящим на исторической родине. Это особенно ярко проявилось в годы Второй мировой войны, когда диаспора распалась на два диаметральных лагеря: одни увидели в гитлеровской агрессии средство освободиться от большевиков, другие столь же активно поддержали СССР как союзника по антигитлеровской коалиции.

Третий период начался после Второй мировой войны и состоял из двух потоков: с Дальнего Востока (продолжение эмиграции русских из Китая) и из Европы (перемещенные лица и русские военнопленные, оставшиеся после войны в Германии и Австрии). Холодная война и последующие события охладил у многих пыл и симпатии к советскому режиму. Но интерес к русской культуре и стране исхода сохранялся и развивался усилиями патриотически настроенных членов диаспоры (наиболее яркая фигура – Нина Кристесен). Первые исследования по истории русских в Австралии, которые появились в то время, стали своеобразной попыткой сохранения своих корней и в каком-то смысле осмысления своей позиции.

Нынешние переселенцы в АС – лица, добровольно покинувшие РФ в поисках лучшей жизни (в глазах австралийцев «колбасная иммиграция»). Первоначально у них было мало связей с представителями прежних волн; но постепенно наметились определенные точки соприкосновения, породившие достаточно любопытную картину политических предпочтений. Пример – трансформация взглядов священника о. Михаила Протопопова. Сын эмигранта (дворянина, полковника донских казачьих войск, прошедшего после Второй мировой войны муки насильственной репатриации и ГУЛАГа), он ребенком оказался в АС, принял сан, в 1990-е гг. помогал разваливавшейся на глазах России, участвовал в 2007 г. в заключении акта о каноническом единстве РПЦ и РПЦЗ, а в 2013 г. возглавил СРСА – детище МИД РФ.

В наши дни особо ярко наблюдается переход от былой конфронтации и враждебности к сотрудничеству на основе взаимной заинтересованности: как экономической (с австралийской стороны), так и политической (со стороны правительства РФ). Данному процессу способствуют и новые волны экономической иммиграции из России, и смена поколений внутри российской диаспоры в АС, и перемены в политике правящих кругов РФ, которые крайне заинтересованы в улучшении своего имиджа за рубежом.

В итоге этих перемен остается все меньше негатива по отношению к нынешней РФ, и представители российской диаспоры все чаще стремятся к сотрудничеству с властями исторической родины. К взаимной выгоде.

«Письмо Ивана Белавенца» как источник по истории русской диаспоры в Австралии

Зибров М.И., Массов А.Я.¹⁰⁷

Авторы данного сообщения во время работы в библиотеке Морского корпуса Петра Великого (бывшего Морского кадетского корпуса) обнаружили один из выпусков «Писем Ивана Белавенца»¹⁰⁸. Иван Митрофанович Белавенец (1899–1961) в 1914 г. поступил в Морской кадетский корпус, затем в ходе перипетий революции и Гражданской войны оказался в Морском училище во Владивостоке, участвовал в Белом движении и после 1920 г. жил в эмиграции – во Франции и США. Историкам российского флота имя И.М. Белавенца хорошо известно. В эмиграции он стал своего рода хранителем памяти и летописцем истории жизни своих однокашников – курсантов владивостокского Морского училища. С 1940 по 1960 гг. И.М. Белавенец подготовил и сумел выпустить в свет 5 выпусков сборников с материалами на эту тему¹⁰⁹. Изданы они в небольшом количестве экземпляров и в полиграфическом отношении выполнены весьма кустарно: напечатаны на издававшей виды пишущей машинке со стертой лентой, содержат подчас неисправленные опечатки и даже вставки, сделанные чернильной ручкой. В сборниках на основе переписки с бывшими однокурсниками представлен достаточно объемный статистический и фактографический материал о судьбах выпускников Владивостокского училища 1920 г.: их участии в Гражданской войне и последующей жизни в эмиграции, роде занятий, условиях жизни, материальном положении, семьях, судьбах детей и т.п. Включены и собственно письма и краткие воспоминания моряков, оказавшихся вне России. «Письма Ивана Белавенца», таким образом, представляют собой весьма ценный источник не только по истории российского флота, но и по истории русского Зарубежья.

В выпуск «Писем», о котором идет речь, включены сведения, в том числе, и о выпускниках училища, заброшенных волею судеб в Австралию. Насколько нам известно, историки русской диаспоры в Австралийском Союзе до сих пор не использовали этот источник при изучении «белой волны» русской эмиграции на пятом континенте. Не претендуя на подробный анализ включенных в него материалов, представим лишь ознакомительный обзор их содержания.

По данным И.М. Белавенца, из числа выпускников Владивостокского морского училища 1920 г, оказавшихся в эмиграции, к середине 50-х гг. в Австралии проживало 7 человек с семьями: Д.М. Горных, Д.Д. Псиол, К.А. Любарский (он семьи не имел), А.П. Соколов-Калишский, К.А. Слюз, а также Фаддеев и Воробьев. Кроме того, на пятый континент переселились взрослые сыновья еще двоих выпускников: Казанского и Ильинского. Все они попали в Австралию из Европы или Харбина после окончания Второй мировой войны. И только К.А. Любарский жил в Австралии с 1922 г., то есть со времени начала своей эмиграции. В итоге Австралия, как пишет И.М. Белавенец, «становится некоторым центром нашего выпуска». К сожалению, двое – Воробьев и Фаддеев затерялись на пятом континенте, но остальные продолжали поддерживать между собой связь. Большинство бывших курсантов проживало в Сиднее, А.П. Соколов-Калишский – в Брисбене, а Д.М. Горных осел в районе Мельбурна.

Сведения, которые приводит И.М. Белавенец, а также сами бывшие моряки о своей жизни в Австралии, свидетельствуют, что к середине 1950-х гг. все они в материальном плане хотя и не роскошествуют, но более или менее прочно стоят на ногах. У многих свои

¹⁰⁷ **Зибров Михаил Иванович**, к.тех.н., сотрудник Центрального картографического производства ВМФ, эксперт музея Морского корпуса Петра Великого, г. Санкт-Петербург. E-mail mixel-z@mail.ru.

Массов Александр Яковлевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, профессор магистерской программы Исследования Тихоокеанского региона СПбГУ, г. Санкт-Петербург. E-mail amassov@gmail.com.

¹⁰⁸ Письмо Ивана Белавенца. Морского училища выпуск 1920 г. 37 лет спустя. Нью-Йорк, 1957. 264 с.

¹⁰⁹ Другие выпуски с тем же названием, но меняющимися датами в подзаголовке: 20 лет спустя. Нью-Йорк, 1940. 14 с.; 30 лет спустя. Нью-Йорк, 1954. 332 с. с 4-мя дополнениями и алфавитным указателем; 38 лет спустя. Нью-Йорк, 1958. 39 с.; 40 лет спустя. Нью-Йорк, 1960. 190 с. с дополнениями.

дома, а Д.Д. Псиол даже сумел стать фермером, и именно в его доме собирались моряки-одноклассники. Правда, дома куплены в кредит, который приходится выплачивать, да и остальные расходы не дают возможности чувствовать себя полностью материально обеспеченными. К.А. Слюз жалуется также на то, что стаж работы, который он приобрел в Харбине, в Австралии не учитывается, и все приходится начинать сначала. Некоторые из бывших русских моряков поэтому рассматривают Австралию как временное место жительства и планируют перебраться в Соединенные Штаты. В 1956 г. из Сиднея в Сан-Франциско удалось уехать семье Д.Д. Псиола.

Приводятся факты и общей для эмигрантов проблемы – им самим и еще чаще их детям нелегко найти русских по национальности партнеров для создания семьи. Сказывается и нарастающий процесс ассимиляции. Некоторые дети и, особенно, внуки, хотя и говорят по-русски, но уже плохо читают и пишут на родном языке. Тем не менее, как отмечает К.А. Слюз, его 9-летний внук немедленно вступает в драку в школе с ребятами, которые непочтительно отзываются о России.

Материалы, включенные в сборник И.М. Белавенца, дают новые примеры традиционной тоски эмигрантов по утраченной Родине и бесконечных споров о том, как и в какой мере следует сохранять свою «русскость», нужно ли интегрироваться в австралийское общество или держаться по-возможности особняком от него. Эти настроения находят отражение в художественном творчестве русских изгнанников, которое не умирает и в эмиграции. И.М. Белавенец полностью публикует стихотворение К.А. Любарского, пронизанное печалью о незавидной судьбе эмигрантов на чужбине и мольбой к Спасителю помочь России и русским «избавиться от ига рабства и рабов». Естественно, что письма «русских австралийцев» наполнены инвективами против коммунистического режима на их Родине. Чувствуется, что моряки-одноклассники, выпускники 1920 г. Морского училища во Владивостоке стремятся сохранить свое единство в духовном отношении и дружеские связи друг с другом по жизни. Некоторые из них благодарят И.М. Белавенца за его вклад в дело такого единения.

Для исследователей истории русских в Австралии (как, впрочем, и в других странах) «Письма Ивана Белавенца» представляют интерес еще и в том отношении, что там, где это было возможно, они снабжены фотографиями персонажей сборника. Краткий обзор выпуска «Писем Ивана Белавенца» 1957 г. показывает, что этот источник, как, очевидно, и другие его выпуски, содержат ряд достаточно ценной дополнительной информации о жизни русских эмигрантов в Австралии. Он может и должен быть использован при изучении истории русской диаспоры пятого континента.

К 70-тилетию австралийской русскоязычной газеты «Единение»

Каневская Г.И.¹¹⁰

В 2020 г. исполнилось 70 лет газете «Единение» – старейшему русскоязычному печатному органу пятого континента, первый номер которого вышел в Мельбурне (с 1977 г. – в Сиднее) 2 декабря 1950 г. Газета была создана членами Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС), приехавшими в Австралию вскоре после окончания Второй мировой войны с волной русских перемещенных лиц из Европы. Она представляла собой еженедельник, выходивший по средам, объемом в 16 страниц.

Целью газеты «Единение» являлось объединение русских иммигрантов Австралии вокруг печатного органа, прежде всего, для борьбы против коммунистической идеологии и системы в Советском Союзе. Эта цель полностью соответствовала программным установкам НТС.

¹¹⁰ **Каневская Галина Ивановна**, д.и.н., старший научный сотрудник научной лаборатории Международные институты многостороннего сотрудничества стран АТР. Восточный институт – ШРМИ ДВФУ. E-mail: gkanevskaya@mail.primorye.ru.

Со временем газета перестала быть органом только политической организации, и после распада СССР первоначальные цели ее изменились, но она по-прежнему остается единственной еженедельной газетой в Австралии на русском языке.

Советские «ди-пи» в Новой Зеландии (1949–1951 гг.)

Рудникова Е.В.¹¹¹

В докладе рассматривается одна из малоизвестных страниц в истории восточной ветви русского Зарубежья. В центре внимания – бывшие граждане Российской империи и Советского Союза, выехавшие после окончания Второй мировой войны из послевоенной Европы в Новую Зеландию в статусе «перемещенных лиц» или «ди-пи» (от англ. «displaced persons»). Обсуждается проблема их реальной численности и этнического состава. Организацией переезда «ди-пи» занималась Международная организация по делам беженцев (IRO). В 1949–1951 гг. были совершены пять прямых морских рейсов с «ди-пи» из Европы в Новую Зеландию (суда «Dundalk Bay», 1949 г.; «Hellenic Prince», 1950 г.; «Goa», три рейса, 1951 г.). Общая численность «ди-пи» на этих судах составляла около пяти тысяч человек.

Данные по численности советских «ди-пи» в Новой Зеландии, имеющиеся в литературе, довольно противоречивы. Например, В.Н. Земсков, использовавший данные Управления по репатриации на 1 января 1952 г., указывает численность советских граждан, выехавших в Новую Зеландию в 631 чел., причем в их составе – только трёх этнических русских (1991). Оценка численности советских «ди-пи», сделанная В.П. Олтаржевским на основе сведений дипмиссии СССР в Новой Зеландии, почти втрое больше: около двух тысяч человек. Из них примерно 930 чел. являлись выходцами из стран бывшего СССР в границах 1940–1941 гг. Количество этнических русских в их составе определялось примерно в 50 чел. (1999).

Основой выводов настоящего доклада являются судовые списки пассажиров, находящиеся на хранении в столичном отделении Национальных архивов Новой Зеландии (г. Веллингтон). Эти архивные дела пока еще не оцифрованы. Научно-справочное описание документов и сквозная нумерация листов отсутствуют. Судовые списки были выполнены на английском языке и на бумажных листах в технике машинописи своего времени. Для каждого рейса чиновники IRO составляли пофамильный список беженцев, в котором содержалась подробная информация о каждом пассажире. Список пассажиров имел два варианта. Первый представлял собой полный алфавитный перечень (Nominal roll). Вторым вариантом предназначался для сверки с реальными прибытиями на погрузку (Embarkation roll). Списки разных рейсов не однотипны по структуре и различаются объемом сведений о пассажирах. Общим местом являются: указание фамилии и имени пассажира, его пола, даты рождения и статуса по классификации IRO. Последний имел буквенный код, означающий одиноких мужчин или женщин, престарелых лиц, матерей с детьми, сирот, семей или групп родственников. Также указывались номера сопроводительных документов. В некоторых списках есть информация о месте рождения пассажиров, их вероисповедании, семейном положении и роде занятий (профессии).

Выявление российских и советских «ди-пи» в общем составе пассажиров осложнено из-за сокрытия или сознательного искажения ими своих биографических данных. Фамилии и имена «ди-пи» транскрибировались чиновниками IRO так, как они воспринимали эти имена на слух. Для того, чтобы избежать насильственной репатриации в Советский Союз, беженцы изменяли фамилии, даты и места рождений, выдумывали себе новые биографии. Кроме того, им приходилось учитывать начало «холодной войны» и связанную с этим угрозу быть ограниченными в своих передвижениях.

¹¹¹ Рудникова Елена Викторовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru.

Предлагается рассматривать два способа оценки реальной численности «ди-пи» с российским или советским происхождением. Первый является «прямым», т.е. в этом случае учитывается этническое происхождение и бывшее гражданство, заявленное самими эмигрантами при прохождении фильтрации в лагерях. Второй способ подсчета является «косвенным», так как он основан на совокупности всех данных, имеющихся в списках пассажиров. При применении этой методики для выявления, например, этнических русских, маркером этничности является своеобразное «ядро» этих данных (славянская основа имени, дата и место рождения эмигранта, возраст на время революционных событий и начала войны, вероисповедание, данные о семье, стране последнего проживания и т.д.). Расхождения между двумя вариантами подсчетов существенны. Например, первый транспорт доставил в Новую Зеландию 1010 пассажиров (Nominal roll), среди которых только десять человек были записаны «русскими»: мать с ребенком, одна незамужняя женщина, одна семья из трех человек и четверо неженатых мужчин. Второй подсчет дает совсем другую картину – не менее 109 чел. могут рассматриваться этническими русскими. В их составе учтены и 49 человек, въехавшие в Новую Зеландию в статусе апатридов («stateless»). Совокупный «косвенный» подсчет по всем пяти транспортам дает численность только этнических русских не менее 400-т чел.

Таким образом, детальный анализ указанных архивных списков пассажиров судов дает возможность максимально приблизиться к реальной оценке численности советских «ди-пи» в Новой Зеландии. Очевидно, что советские «ди-пи» являются самой многочисленной группой эмигрантов-беженцев в истории русской эмиграции в Новую Зеландию.

Российское казачество в Латинской Америке (исход, современность)

Аристова Л.Б.¹¹²

Революция 1917 г. и Гражданская война в России в 20е годы XX в., преследование инакомыслящих вынудило многих людей из разных сословий России (интеллигенции, писателей, ученых, представителей духовенства, российского казачества) навсегда покинуть родину и переехать в различные страны. В настоящее время их жизнь, деятельность, участие в разных областях экономики и социальной жизни стран проживания представляет большой интерес. Все это является частью нашей общей российской истории.

После Гражданской войны 1918–1922 г. к концу 20-х годов официально было зарегистрировано (по данным службы по делам беженцев Лиги наций) 958,5 тыс. русских эмигрантов в различных странах мира. События в России в начале XX века стали переломными в жизни многих российских сообществ, которые веками формировались на ее территории. К таким сообществам относятся многочисленные поселения казачества (донские, терские, астраханские, уральские, оренбургские, забайкальские и др.). Казачество, привыкшее к строгим законам справедливости, взаимоподдержки, к трудолюбию и свободе не приняло советскую власть и быстро стало «враждебной силой». Не признавая новую власть, большая часть казачества России вынуждена была покинуть родину и переселиться в другие страны. Многие казаки с юго-востока и востока России (амурские, забайкальские) бежали в Китай, затем в Австралию. Донские, терские казаки и белогвардейцы бежали в Иран, Турцию и в страны Запада. Переход казачества из России за рубеж во многом проходил с большими человеческими потерями. Нехватка денег, набеги племен (в южно-азиатской части России) на мигрантов, нехватка еды и питья, привели к гибели множества переселенцев по пути в страны миграции. За время труднейшего похода уральских и оренбургских казаков с семьями под предводительством атамана Владимира

¹¹² **Аристова Людмила Борисовна**, к.э.н., старший научный сотрудник Центра энергетических и транспортных исследований в Институте востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: aristova3@gmail.com.

Сергеевича Толстова (1884–1956 гг.) из тысяч человек остались в живых лишь сотни. Во время «марша смерти» оренбургские казаки и вовсе отступили и вернулись назад, уральцы же были позднее разгромлены, и даже из 200 человек, отправившихся с Толстовым в Персию (куда дошли уже только 162 человека) и далее в Китай, в Австралию добрались лишь немногие¹¹³.

В 20-е годы XX в. в странах Европы и Азии, где проживали казаки, начали создаваться группы, целью которых была поддержка и объединение казаков, помощь в получении образования, работы, специальности. Появились организации в Шанхае и других городах.

Для поддержки мигрантов в 20-е годы открывались курсы под руководством Войскового правительства (автомобильные, тракторные, электромонтеров, сельскохозяйственные, сапожные, портняжные и др.). Образовывались артели, где работали казаки. В 1926 г. был организован Казачий съезд в Париже. В результате в середине 30-х годов Казачий союз объединял 188 организаций из 18 стран мира¹¹⁴. В задачу Союза входили объединение казачьих организаций, помощь в пересылке денег родным в СССР, розыск родных и знакомых, помощь в переезде казаков в Южную Америку (Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай), устройство на работу, открытие библиотек, проведение вечеров по казачьей культуре, устройство детей в учебные заведения, издание газет и др.

Эмиграция российского казачества в Латинскую Америку имеет свою историю. Русская диаспора в ряде стран Латинской Америки играет значительную роль в экономике этих стран. Общества казаков есть в Бразилии, Венесуэле, Парагвае, Мексике, Уругвае, и небольшие диаспоры в Чили и Перу, наибольшая диаспора казаков приходится на *Аргентину*. Аргентина имеет в основном белое население, и потому большая часть эмигрантов приезжала сюда. Не случайно самая влиятельная газета на русском языке («Наша страна») выпускается в Аргентине.

Переехавшие в Латинскую Америку, казаки, привыкшие работать на земле, продолжили заниматься сельским хозяйством, и со временем добились на этом поприще успехов, став фермерами, особенно в аграрной аргентине. Правительство Аргентины было заинтересовано в освоении необработанных земель и включении их в экономической оборот и потому всячески поддерживало эмигрантов. В настоящее время почти 2/3 сельхозпродукции в стране производится в хозяйствах, освоенных выходцами из России¹¹⁵.

В середине XX в. в Аргентине существовала Донская станица им. П.Н. Краснова во главе с родственником генерала – Николаем Николаевичем Красновым. Сейчас же более 100 тыс. русскоязычных эмигрантов живет в Буэнос-Айресе¹¹⁶. Там же имеется район компактного проживания казаков: на базе двух казачьих поселений создан район-поселок «Нахаловка». Люди сохранили русский язык, обычаи, культуру, и продолжают их поддерживать, самоорганизовываться. Так, в 2011 г. в Аргентине был основан Аргентинский казачий круг, атаманом избран Илья Чаповский, потомственный казак. Задачей круга казаки провозгласили возрождение казачества как особого культурно-этнического общества, укрепление православной культуры и уважения к ней, русскому языку, воспитание молодежи в духе патриотизма к России, знания истории¹¹⁷. В 2008 г. в столице Монтевидео открылась средняя школа (№ 361), получившая имя Российской Федерации. Там планировалось давать знания по истории и культуре России. Школа

¹¹³ Кондратьев В. Исход уральских казаков 1919-1920-х годов через Каспий и Персию // Каспийский вестник. 06.01.2021. URL: <http://casp-geo.ru/ishod-uralskih-kazakov-cherez-kaspij-i-persiyu/>.

¹¹⁴ Ганин А.В. Казачьи союзы. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2033498.

¹¹⁵ Нечаев С.Ю. Русские казаки в Латинской Америке. М.: Вече, 2010. С. 245.

¹¹⁶ Пеньковский Д.Д. Предпосылки эмиграции казачества. Как русские эмигрировали в Латинскую Америку. М.: Национальный институт бизнеса, 2006. С. 432.

¹¹⁷ В Южной Америке создан Аргентинский Казачий Округ / Казачий национальный портал. 31.08.2011. URL: https://cossack.su/news/read/v_jugnoj_amerike_sozdan_akv.html.

получила в подарок книги русских писателей от зарубежного русского центра в Аргентине¹¹⁸.

В *Уругвае*, вблизи города Сан-Хавьер в настоящее время живет большая колония русских, которая состоит из двух частей. В одной – русские, потомки переселенцев, и не все из них уже знают русский язык. Вторая часть представлена староверами, уехавшими из России во время Гражданской войны в Харбин, а затем в Уругвай. Община занимается сельским хозяйством, животноводством. Староверы сохранили старый русский язык, христианскую веру и обычаи, культуру¹¹⁹. Там же, в городе Сан-Хавьер организован ансамбль русской песни и танца из соотечественников-казаков, пропагандирующий нашу культуру в Уругвае.

В *Парагвае* первое поселение казаков образовалось в 1922 г. Казаков здесь, как и в других странах Латинской Америки встретили мирно и не препятствовали сохранять их собственную культуру и обычаи. Примечательно, что казаки и белогвардейцы приняли самое активное участие в крупном военном конфликте – Чакской войне между Парагваем и Боливией. Более 80 русских офицеров и казаков приняли участие в военных действиях. Им удалось сформировать 50 тыс. армию, а также военный флот. За годы войны многие русские офицеры, получили награды за помощь Парагваю. Так, звание генерал-лейтенанта было присвоено капитану артиллерии С.Л. Высоколяну, вместе с И.Т. Беляевым, оба стали почетными гражданами Парагвайской Республики (1936 г.) и награждены Золотой медалью Военной Академии страны имени Франциска Солано Лепеса. Участие русских казаков в войне 1932 г., их военный опыт помогли создать в Парагвае армию из неграмотных крестьян численностью в десятки тысяч человек и защитить Парагвай от агрессии со стороны Боливии¹²⁰.

Память об этих событиях и о роли в них русских сохраняется в парагвайском обществе до сих пор. В честь павших в боях русских сегодня (более 40 тыс. добровольцев и парагвайцев погибло) один из городов назван Форт Серебрякофф. В столице Парагвая одна улица получила название в честь сотника Кубанского казачьего войска Малютина. В Асунсьоне есть улица «Капитан Блинофф» (в честь донского казака Николая Блинова)¹²¹.

В настоящее время бывшие российские граждане (казаки, белогвардейцы) и их потомки активно участвуют в жизни своей новой родины. В то же время, эмигранты стали в большой степени проводниками политики современной России на Западе.

¹¹⁸ Школа имени России появится в Южной Америке / НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/30147/>.

¹¹⁹ Более подробно о русских в Уругвае, в частности о староверах и потомках тех, кто бежал во время Гражданской войны, см.: *Строганова Е.А.* Русские в Уругвае // Восточные ветви российской диаспоры. Т. 3. Люди и судьбы. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2020. С. 509–550, 560.

¹²⁰ *Зотов Г.* Парагвайские казаки. 84 года назад немцы проиграли войну... в Южной Америке / Информационное агентство NewsFront. 30.05.2020. URL: <https://news-front.info/2020/05/30/georgij-zotov-paragvajskie-kazaki-84-goda-nazad-nemczy-proigrali-voynu-russkim-v-yuzhnoj-amerike/>; *Малышев В.* Как русские немцев в Парагвае разгромили / Столетие. 24.11.2017. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_russkije_nemcev_v_paragvaje_razgromili_877.htm.

¹²¹ *Мосейкина М.Н.* Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке // Диалог со временем, 2019. № 68. С. 83–92.